

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Current trends in linguistics», ed. by T. A. Sebeok. II. — Linguistics in East Asia and South East Asia. — The Hague — Paris, Mouton, 1967. V — XIX + 979 стр.

Рецензируемый том* состоит из двух частей, предваряемых введением издателя. Первая часть включает главы «1. Китай» (стр. 1—500), «2. Япония» (стр. 501—732) и «3. Корея, Монголия, Тибет» (стр. 733—774).

Глава «Китай». Китайский язык изучается во многих странах мира. Настоятельная потребность в периодических обзорах научных трудов по всему китайскому языкознанию в целом ощущается уже давно. Поэтому самое появление II тома издания «Современные течения в языкознании», в котором свыше пятисот страниц предоставлены обзорам по различным разделам китайского языкознания, следует рассматривать как важное достижение современной науки и большую заслугу организаторов этого издания.

Основная цель издания — познакомить широкие круги лингвистов с деятельностью различных региональных школ и направлений за послевоенные годы. Региональный принцип изложения научных проблем неизбежно связан с тем, что одна и та же лингвистическая проблема, изучаемая в разных странах, рассматривается по-разному, в соответствующих региональных разделах. Трудности, вызванные региональным способом изложения, в принципе вполне преодолимы — для этого достаточно разыскать интересующие читателя части в разных региональных разделах. Практически же это не всегда оказывается просто. Читатель, который, например, интересуется современным состоянием исследований по китайскому языку, во II томе узнает об изучении истории китайского языка во многих странах мира, а

также об изучении грамматики современного китайского языка в различных аспектах в Китае. Однако современный китайский язык изучается не только в Китае, но также и в Европе, Северной Америке, Австралии. О состоянии исследований в Западной Европе читатель узнает в начале 1970 г., после того как выйдет из печати IX том, а о состоянии исследований в Северной Америке — в конце 1970 г., после того как выйдет из печати X том. О советских и восточноевропейских исследованиях по китайскому языку ни I, ни II тома никаких сведений не содержат: обзор исследований в советском и восточноевропейском языкознании, чему был посвящен I том, ограничивался проблемами основных языков СССР и стран восточной Европы. Между тем в странах Восточной Европы и в СССР работает значительное число лингвистов, занятых исследованиями современного китайского языка; в частности, в СССР китайский язык изучается во всех аспектах, здесь ведутся основные работы по экспериментальному изучению фонетики китайского языка¹. Специальный обзор языкознания в Австралии в издании хотя и не предусмотрен, но об изучении китайского языка в Австралии сказано в обзоре исследований по истории китайского языка в рецензируемом томе.

Таким образом, из примера обзора китайского языкознания ясно, что в тех случаях, когда исследования ведутся одновременно во многих странах мира, региональный принцип не оправдывает себя. Было бы рациональней, сохранив распределение материала в томах издания по региональному признаку, внутри каждого тома обзоры построить по предметному.

Раздел, посвященный Китаю, состоит из обзоров по следующим темам: истори-

* II том «Current trends in linguistics» рецензировали: часть I «Linguistics in East Asia» — М. В. Софронов (главу «China» и раздел «Tibet»), В. М. Алпатов (главу «Japan»), Л. Р. Концевич (раздел «Linguistics in the Republic of Korea»), З. В. Швернина (раздел «The Mongolian People's Republic»); часть II «Linguistics in South East Asia» — Ю. Х. Сирк.

¹ Обзор советских китаеведческих исследований за последнюю половину века см. в кн.: «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 373—385.

ческое языкознание, дескриптивная лингвистика, диалектология, реформа языка и письменности, языки национальных меньшинств, библиография китайского языкознания. Помимо этого, в разделе, посвященном Японии, имеется специальный обзор японских исследований по китайскому языку.

Обзор по историческому изучению китайского языка, написанный Н. Бодманом, является лучшим в разделе, посвященном Китаю. Изложение здесь построено по предметному признаку, поэтому обзор позволяет составить ясное представление об исследованиях в этой области, проводимых в разных странах мира.

Обзор исследований по истории китайского языка Н. Бодман начинает с 20-х годов XX в. Это вполне оправдано: большинство исследований того времени не устарели до сих пор. Хронологические рамки обзора, может быть, следовало бы раздвинуть еще больше, уже потому, что европейские ученые в своих исследованиях по истории китайского языка часто опираются на достижения китайской традиционной филологии (упоминания о традиционной филологии и ее значении для современного языкознания в обзоре делаются только по конкретному поводу).

Основное место в обзоре отведено исторической фонетике китайского языка, которая разработана лучше остальных разделов исторической грамматики китайского языка.

Основой исследований по исторической фонетике китайского языка является словарь Цюнь, датированный 601 годом. Оригинальный текст этого словаря не сохранился; имеются лишь несколько других словарей, созданных на основе Цюня между 601 и 1011 гг. и известных как словари системы Цюня. Эти словари представляют собой основные внутренние источники реконструкции древнекитайского языка VI в.² В качестве вспомогательного внутреннего источника реконструкции привлекаются фонетические таблицы XII в., авторство которых приписывается Сыму Гуану³. Внешние источники, с помощью которых была интерпретирована фонологическая система Цюня, — это данные современных китайских диалектов, а также данные сино-

японского, сино-кореяского, сино-вьетнамского чтения китайских иероглифов, отражающих чтение китайских иероглифов в VI—VII в. Реконструкция на основании этих внутренних и внешних источников была проведена Б. Карлгреном в начале 20-х годов.

Наиболее сложной проблемой исторической фонетики китайского языка является реконструкция фонетики так называемого архаического китайского, относящегося к I тысячелетию до н. э.⁴ В распоряжении современной науки находятся древнейшие поэтические тексты, которые могут служить источниками реконструкции. Согласно традиции, они относятся к началу I тысячелетия до н. э. Изучение их рифм позволяет построить приближенную модель вокализма того времени. Эта модель будет «всемоз»: она выразит отношения между гласными, но не может сказать ничего о самих гласных. Вторым источником являются чтения иероглифов фонетической категории. Здесь исходят из того, что в момент создания иероглифов фонетической категории их чтение не отличалось от чтения самого фонетика. В том случае, если одна и та же фонетическая часть оказывается в составе знаков, передающих слог с различными начальными согласными, то это означает, что первоначальное чтение фонетика имело стечение согласных.

Достоинства этих источников бесспорны; однако в связи с ними возникают три принципиальных вопроса. Можно ли считать, что рифмы древнейших поэтических текстов действительно относятся к I тысячелетию до н. э., если иметь в виду, что эти тексты были записаны значительно позднее? Можно ли считать, что нам известно время возникновения иероглифов фонетической категории? Можно ли быть уверенным в том, что древние рифмы и иероглифы фонетической категории относятся к одному и тому же периоду истории китайского языка? В зависимости от ответа на эти вопросы датировка реконструкции колеблется в довольно широких временных пределах.

Внутренние источники реконструкции архаического китайского языка неоднородны и неравноценны: древние рифмы являются более надежным источником, чем исследование иероглифов фонетической категории. Синхронных внешних источников реконструкции архаического китайского до сих пор не имеется. Поэтому для интерпретации данных внутренних источников привлекается реконструкция фонетики китайского языка VI в. Строго говоря, это не может быть названо интерпретацией, потому что здесь заведомо нельзя установить соот-

² Термин «древнекитайский язык» для обозначения реконструированного языка Цюня был предложен Б. Карлгреном. В настоящее время широко распространен также термин «среднекитайский язык» для обозначения того же самого языка Цюня.

³ См.: T u n g T ' u n g - h o, Some questions of «Chieh-yun Chih-chang Tu», «Bulletin of the Institute of history and philology [of Academia Sinica]», 1947, XVII.

⁴ Название «архаический китайский язык» предложено Б. Карлгреном. В настоящее время также широко используется название «древнекитайский язык».

ветствие между единицами внутренних и внешних источников. Реконструкция фонетики архаического китайского языка представляет собой скорее экстраполяцию данных реконструкции фонетики древнекитайского языка с помощью упомянутых выше внутренних источников реконструкции.

Перечисленные выше трудности отнюдь не означают, что научно значимое решение проблемы реконструкции архаического китайского языка невозможно. Здесь они приводятся для того, чтобы показать сложность положения, в котором находятся исследователи этой проблемы.

Н. Бодман дает подробный обзор трудов по архаическому китайскому языку. Особое внимание он уделяет сравнительно новой отрасли исторической фонетики китайского языка, основателем которой он является, — исследованиям периода между архаическим и древнекитайским языком, т. е. между 206 г. до н. э. и 601 г. н. э.

После реконструкции фонетики древнекитайского языка исследования в этой области активизировались. Здесь можно указать на несколько направлений. Первое сосредоточило свое внимание на дальнейшем изучении внутренних источников. Одна часть работ была посвящена уточнению некоторых деталей структуры Цююня и системы его фаньце, а другая — исследованию новых внутренних источников реконструкции, которые описывали китайский язык примерно того же периода, что и Цююнь. Новые внутренние источники — это прежде комментаторская литература с фонетическими глоссами, построенными по методу фаньце. В нескольких значительных трудах трактуются фаньце в комментариях. Н. Бодман упоминает о большинстве таких работ, но при этом оставляет без внимания несколько важных статей китайских авторов, появившихся в КНР в конце 50-х — начале 60-х годов⁵. Среди этих статей выделяется статья Лу Чжи-вэй «Как устроены древние фаньце»⁶, где рассматриваются принципы устройства фаньце не только в словарях системы Це-

юня, но также и в фонетических глоссах древнейшей комментаторской литературы — фаньце Сюй Мао, Люй Чжэня, Го Пу из свода комментариев к «Цзиндянь ши вэнь». Лу Чжи-вэй обнаруживает любопытные статистические тенденции в выборе первых знаков фаньце, по поводу которых до сих пор было мало что известно. Второе направление изучения фонетики древнекитайского языка сосредоточило свое внимание на изыскании новых возможностей реконструкции с учетом достигнутого при обработке внутренних источников. Третье направление, возникшее в 50-е годы, занималось установлением фонологической системы древнекитайского языка на основании фонетической реконструкции. Исследования последних двух направлений изложены в обзоре с исчерпывающей полнотой.

Историческая грамматика китайского языка занимает в обзоре значительно более скромное место, что объясняется немногочисленностью исследований в этой области. Подробно рассмотрены грамматика архаического китайского языка Добсона и грамматика архаического китайского языка Чжоу Фа-гао. Грамматики Люй Шу-сяня, Ян Во-цзюня и других китайских авторов лишь упоминаются. К сожалению, в обзор не попал очерк С. Е. Яхонтова «Древнекитайский язык», содержащий оригинальную трактовку грамматики архаического китайского языка⁷.

Довольно схематично изложены проблемы исследования древнемандаринского языка, т. е. китайского языка X—XIV вв. Эта часть обзора также нуждается в некотором выходе за хронологические рамки издания. Исследования древнемандаринского языка были начаты в 20-х годах А. А. Драгуновым⁸. Его труды, прежде всего большая работа по транскрипции китайского языка средствами монгольской квадратной письменности⁹, заложили основу всех исследований в этой области и ничем не заменены до сих пор.

Фонетика китайского языка X—XIV вв. описана в одновременно появившихся фонетических таблицах и словарях. Поэтому в принципе задача состоит в том, чтобы интерпретировать данные этих внутренних источников реконструкции с помощью иноязычных транскрипций, которых сохранилось достаточно большое количество. Однако здесь имеются трудности, преодолеть которые не

⁷ С. Е. Я х о н т о в, Древнекитайский язык, М., 1965.

⁸ А. Д р а г у н о в, A Persian transcription of ancient Mandarin, ИАН СССР. VII серия, Отд. общ. наук, 1931, 3.

⁹ А. Д р а г у н о в, The hPHAGS-PA script and Ancient Mandarin, ИАН СССР. VII серия, Отд. гуманитар. наук, 1930, 9—10.

⁵ В э й Ц з я н ь - г у н, Цююнь юньму цыди каоюань, «Бэйцзин дасюэ сюэбао». Жэнь Вэнь кэсюэ бао, 1957, 4; е г о ж е, Цююнь юньму сышэп бу игуань ды цзэши, там же, 1958, 2; Ч а н Х а о, Суй дай пивэнь ююнь юй «Гуанюнь» ды юинь, «Чжунго юйвэнь», 1962, 8—9; е г о ж е, «Гуанюнь» ды фаньце хэ цзинь инь, там же, 1964, 2; Ш а о Ж у н - ф э н ь, «У цзин вэнь цзы» ды чжипинь хэ фаньце, там же, 1964, 3; В а н С я н ь, Дуй «Гань лу пзы шу» ды идянь жэньши, там же, 1964, 4.

⁶ Лу Ч жи - в э й, Гу фаньце ши цзэмян гоуцзао ды?, «Чжунго юйвэнь», 1963, 5.

всегда бывает легко. Различие между разговорным и письменным языком того времени было достаточно глубоким. Поэтому известны словари и таблицы двух типов — одни ориентировались на «правильное чтение», засвидетельствованное в словарях системы Цююя, другие давали современное чтение, которому часто были не чужды влияния различных диалектов. Но ни одно из этих направлений в чистом виде не существовало, потому что одни делали уступки современному произношению, а другие — «правильному чтению» иероглифов.

Исследования по древнемандаринскому языку идут в тех же направлениях, что и работы по древнекитайскому. В настоящее время имеется довольно значительное число трудов, посвященных фонетическим таблицам и словарям X—XIV вв. Наиболее крупной в этой области является книга Чжао Ин-тана «Истоки фонетических таблиц»¹⁰. В средние века китайский язык широко изучался в сопредельных странах, имевших фонетические письменности. В распоряжении современных ученых имеются транскрипции китайских иероглифов, выполненные средствами тибетской, уйгурской, персидской, монгольской квадратной, корейской письменности. Немалое научное значение имеет также китайская транскрипция санскрита, которая была, в сущности, научной. Поэтому в области изучения древнемандаринского языка характерны исследования по иноязычным транскрипциям китайского языка. Можно даже сказать, главным предметом трудов по древнекитайскому языку являются внутренние источники, а по древнемандаринскому — внешние источники реконструкции.

Наибольшее внимание исследователей китайского языка этого периода привлек словарь Чжунъюань инь юнь. В настоящее время имеется несколько вариантов фонетической интерпретации этого словаря. Самая последняя и наиболее совершенная фонетическая и фонологическая интерпретация этого словаря содержится в ряде работ Х. Стимсона, завершенных большим томом, который представляет собой научное издание словаря с реконструированным чтением иероглифов¹¹. Тем самым открывается практическая возможность транскрибировать китайские тексты с древнемандаринским чтением.

Об изучении грамматики древнемандаринского языка сказано совсем мало. Н. Бодман упоминает монографию М. Холлидея о языке китайской версии «Сокровенного сказания» и монографию

Г. Калльгрена о языке сочинений Чжу Си на байхуа. В действительности современная наука располагает значительно большими сведениями о грамматике китайского языка этого периода. Первое исследование в этой области было проведено А. Масперо в 1914 г.¹² В 40-х годах опубликовано большое число работ по отдельным проблемам древнемандаринской грамматики. В первую очередь среди них следует упомянуть работы Люй Шусяна, переизданные в дальнейшей отдельной книгой¹³. В послевоенные годы появились статьи Я. Прушека и Дж. Крампса¹⁴. В СССР в этой области работает И. Т. Зограф и до недавнего времени также автор этих строк¹⁵.

Сравнительное изучение языков китайско-тибетской семьи достигло серьезных успехов. Некоторая замедленность темпов развития этой отрасли науки вызвана недостаточной изученностью языков китайско-тибетской семьи. В сущности, до сих пор неизвестно даже их точное количество. Несмотря на это, сравнительное изучение этих языков стало вполне самостоятельной отраслью языкознания и поэтому должно быть выделено в самостоятельный обзор. В обзоре же Н. Бодмана сравнительному языкознанию уделен всего один абзац.

Обзор исследований по современному китайскому языку в КНР написан Чжан Кунем, который больше известен как специалист по языкам малых народов Китая. Первая часть его обзора представляет собой хронологию событий, имеющих отношение к языкознанию в КНР за период 1950—1963 гг. Хронология такого издания не может и не должна быть полной, однако неполнота ее усугубляется недостаточной продуманностью при отборе фактов. Так, указание на начало публикаций статей о частях речи в китайском языке в октябре 1953 г. должно было бы повлечь за собой указание на завершение этой дискуссии док-

¹² H. M a s p e r o, Sur quelques textes anciennes de chinoise parlée, «Bulléтин de l'Ecole Française de l'Extrême Orient», XIV, 4, 1914.

¹³ Л ю й Ш у - с я н, Хань юй юйфа лунъюань цзи, Бэйцзин, 1955.

¹⁴ J. I. S t i m p e r, On Chinese medieval vernacular, «Wen-ti papers», I, New Haven, 1954; J. P r u š e k, La fonction de la particule 'ti' dans le Chinoise medieval, AO, 15, 3—4, 1946.

¹⁵ И. Т. З о г р а ф, Очерк грамматики среднекитайского языка, М., 1962; М. В. С о ф р о н о в, Принципы глагольного словообразования в языке романа «Шуйхуэчжуань», «Сов. востоковедение», 1957, 3; M. V. S o f r o n o v, Die worthildenden Praefixe und Suffixe im Mittelchinesischen, «Beitraege zum Problem des Wortes im Chinesischen», II, Berlin, 1964.

¹⁰ Ч ж а о И н - т а н, Дэюньъюань лю, Шанхай, 1957.

¹¹ H. M. S t i m s o n, The Jongyuan in yun: A guide to Old Mandarin pronunciation, New Haven, 1966.

ладом Ван Ли, прочитанным на учредительной научной сессии отделения литературы и языка АН КНР в июне 1955 г.; в том же году этот доклад был опубликован¹⁶. Однако в хронологии не упоминается ни учредительная сессия, ни доклад Ван Ли.

Во второй части обзора Чжан Куня излагаются результаты исследований лингвистов КНР по разделам: фонология, фонологический анализ тонов, свободные и зависимые формы, определение слова, формальные классы, синтаксические конструкции. Как лингвист американской школы дескриптивной лингвистики Чжан Кунь говорит о них в терминах своей школы. При этом он оставляет без внимания принципы их исследований. Однако для такого издания, как «Современные течения в языкознании», наибольший интерес должны представлять прежде всего основные идеи, которыми руководствуются лингвисты КНР.

Обзор современного состояния науки о языке в КНР должен обязательно включать в себя хотя бы краткое изложение основных грамматических идей, высказанных в больших грамматиках Ван Ли, Люй Шу-сяпа, Гао Мин-кая, Ли Цзинь-си, Фу Цзы-дуна, с указанием их как китайских, так и европейских источников.

О языкознании в КНР вряд ли можно говорить без упоминания о влиянии, которое оказало на него советское языкознание. В хронологии достаточно много места уделено научным контактам советских и китайских лингвистов. Там перечислены также основные работы советских лингвистов, переведенные на китайский язык. Не менее важно было бы установить, какую роль в китайском языкознании сыграли эти переводы. Так, в частности, было бы полезно сказать о роли статьи «Морфология» в БСЭ², написанной П. С. Кузнецовым, в дискуссии о частях речи, о которой пишет Чжан Кунь. Не менее существенно было бы показать связь между монографией А. И. Смирницкого о слове и дискуссией о слове, которая развернулась в китайском языкознании с 1956 г. Некоторые тенденции в развитии советского языкознания отразились также и в китайской науке о языке. Так, с появлением в советском языкознании интереса к прикладному и структурному языкознанию в китайской лингвистической периодике начали появляться переводы статей советских авторов по указанным темам. Китайские работы в области машинного перевода непосредственно связаны с советскими исследованиями в этой области.

Обзор исследований о языках национальных меньшинств в Китае написан

Чжап Купем в том же плане, что и обзор исследований по современному китайскому языку. Изложение сведений о национальных языках предшествует список народов Китая с указанием принадлежности языков этих народов к языковым семьям. Этот список отличается от официального списка, встречающегося в лингвистических изданиях КНР, отсутствием тибетцев и тибетского языка, которому в рецензируемом томе посвящен отдельный обзор.

Языки национальных меньшинств Китая до сих пор изучены мало. Первые их исследования методами европейского языкознания были проведены христианскими миссионерами в начале XX в. Китайские лингвисты развернули работу в этой области только в 40-х годах; более широкий размах эта работа приобрела после образования КНР. Собран огромный материал, но опубликована лишь его небольшая часть.

Все это вынудило Чжан Куня, в сущности, отказаться от лингвистического описания проблем изучения языков национальных меньшинств и ограничиться лишь ввелингвистическими данными по поводу каждого из них: локализация и численность носителей языка, административное деление района их расселения, административное подчинение. Каждая такая маленькая статья сопровождается краткой библиографией. Вероятно, в отдельных случаях такого рода описание является единственно возможным, однако значительному числу языков национальных меньшинств Китая следовало бы дать лингвистическое описание. Правда, при этом пришлось бы отказаться от регионального принципа изложения материала.

Национальные меньшинства Китая говорят на языках, относящихся к нескольким языковым семьям. Связи их языков с языками народов, находящихся за пределами Китая, могут быть трех родов: 1) языковая группа, состоящая из нескольких близкородственных языков, целиком находится на территории Китая — это языки группы И (доло) и мяо-яо; 2) языковая группа, состоящая из нескольких близкородственных языков, представляет собой часть языковой семьи, находящейся за пределами Китая, — это тайские языки на территории южного и юго-западного Китая; 3) языковая группа говорит на одном из диалектов языка, находящегося за пределами Китая. Таким можно считать язык цзинпо, представляющий собой диалект качинского языка в Бирме, а также язык тюркоязычного населения Синьцзяна и синьцзянских таджиков. Было бы целесообразней при разработке плана издания предусмотреть описание языков последних двух типов в составе соответствующих разделов. В сущности, намек на такой способ описания содержится

¹⁶ Ван Ли, Гуаньюй ханьюй ю у цы лэй ды зьэйти, «Бэйцзин дасюэ сюэбао». Жэнь зэнь кэсюэ, 1955, 2.

в разделе о Таиланде, где говорится не только о тайских языках на территории Таиланда и Лаоса, но также и о северной группе тайских языков, локализованной в южном и юго-западном Китае. Что касается языков группы И и мяо-яо, то они исследуются уже с начала XX в., поэтому обзор литературы по этим группам языков был бы весьма полезен.

Обзор исследований по китайской диалектологии написан известным диалектологом С. Эгеродом.

Китайский язык разделен на диалекты, настолько далеко отстоящие друг от друга, что носители их часто не понимают друг друга. Столь глубокие различия между диалектами придают особую остроту проблеме национального языка. В европейской науке китайские диалекты изучаются уже более ста лет. Китайские ученые приступили к широкому изучению диалектов на основе достижений европейской диалектологии только в конце 20-х годов. Особенно значительный размах приобрело изучение диалектов в 1956—1960 годах. Был собран большой материал, из которого лишь незначительная часть опубликована.

Диалектология китайского языка пока находится в начальной стадии своего развития. В сущности, все усилия диалектологов направлены на создание приемлемой классификации диалектов китайского языка, установление их локализации. Все современные классификации основаны на фонетических признаках диалектов. Несмотря на то, что в официально утвержденной анкете есть вопросы и по другим частям структуры языка, предметом исследования как китайских, так и иностранных диалектологов пока остаются прежде всего вопросы фонетики.

В основе всякой классификации лежит определение единицы классификации и критерии отбора единиц. В первой классификации китайских диалектов, предложенной П. Меллендорфом, единицей классификации была провинция, а критерием отбора — способность носителей диалектов понимать друг друга. Первую научную классификацию предложил Б. Карлгрен¹⁷. В качестве единицы классификации он сохранил провинцию, допуская в некоторых случаях единицы меньшие, чем провинция. В качестве критерия различия диалектов Б. Карлгрен предложил считать степень удаления от языка Цюня, который он считал родоначальником всех современных диалектов, исключая диалекты минь. В 20 и 30-х годах были открыты несколько новых диалектов, в частности Е. Н. и А. А. Драгуновы открыли новый диалект в провин-

ции Хунань, который в дальнейшем был назван диалектом сянь¹⁸. Последним словом китайской диалектологии является классификация диалектов, предложенная Юань Цзя-хуа¹⁹. Эта классификация опирается на материалы, полученные во время экспедиций 1956—1960 гг. Эти же материалы послужили основой для более детальной классификации китайских диалектов, в которой С. Е. Яхонтов показывает, что границы диалектов, определяемые Юань Цзя-хуа, не абсолютны²⁰. В действительности между диалектными районами существуют зоны смешения, где расположены диалекты, в которых совмещаются отдельные черты двух соседних диалектов. Иначе говоря, С. Е. Яхонтов вносит предложение о необходимости различать чистые и смешанные диалекты. Новая классификация китайских диалектов, предложенная и нанесенная им на карту, существенно уточняет классификацию диалектов Юань Цзя-хуа. С. Эгерод дал краткое описание китайских диалектов в рамках классификации Юань Цзя-хуа.

Специальный обзор по реформе китайской письменности написан крупнейшим знатоком этого вопроса Дж. Де-Френсисом.

Китай, существуя на протяжении многих столетий как унитарное государство, не имеет единого государственного языка, который был бы понятен на слух во всех частях страны. В средние века роль общенационального языка играл письменный язык «ваньянь», основанный на языке древних классических книг и не связанный ни с одним из китайских диалектов. Вместе с иероглифической письменностью ваньянь был наддиалектным средством письменного общения. Звуковая форма одного и того же сообщения на ваньяне была различной в разных частях Китая. Такое средство внутрис государственного общения было вполне приемлемо для феодального Китая.

В современных условиях, когда всеобщая грамотность становится минимальным условием дальнейшего развития общества, иероглифическая письменность должна быть заменена алфавитной, способствующей дешевому и эффективному

¹⁸ Е. Н. и А. А. Драгуновы, К латинизации диалектов центрального Китая. Диалекты Сянгань и Сянсян (Хунань), ИАН СССР. II серия, Отд. общ. наук, 1932, 3.

¹⁹ Юань Цзя-хуа, Ханьюй фаньянь тайяо, Пекин, 1960. В сокращенном виде книга издана на русском языке: Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка, М., 1965.

²⁰ С. Е. Яхонтов, Географическое распространение диалектов китайского языка, «Вестник ЛГУ». [Серия] 2, История, язык, литература, вып. 1, 1967.

¹⁷ P. G. v. Moellendorff, Classification of dialects chinois, Ningpo, 1899; B. Karlgren, Études sur la phonologie chinoise, Leyde, 1—1915, 2—1916, 3—1919, 4—1926.

обучению больших масс населения Китая. Первый шаг в сторону отмены иероглифической письменности был сделан в 1949 г., когда вэньянь были упразднены как средство официального общения. Официальным языком с того момента фактически сделался так называемый «путунхуа» — «общепопулярный язык», основанный на северных диалектах. Этот «общепопулярный язык» не кодифицирован, поэтому в текстах на путунхуа можно встретить грамматические формы и лексику различных диалектов. Так возникла проблема нормализации путунхуа, которая и в настоящее время еще далека от разрешения. Однако существенно здесь то, что направление в создании национального языка определено — национальный язык будет создан на основе северных диалектов.

В конце 20-х и начале 30-х годов были предложены две системы алфавитной письменности для китайского языка: «романизованная система» была предложена комиссией китайских лингвистов под руководством Чжао Юань-жэня, «латинизированная система» была разработана в Советском Союзе по инициативе представителя Китая в Коминтерне Цюй Цю-бо группой советских лингвистов.

Романизация предусматривала создание китайской алфавитной письменности со строчным обозначением тонов, отличающейся большой способностью к различению омонимов на письме. Однако романизованная система была приспособлена только для пекинского диалекта и не годилась для других диалектов без существенных изменений. Латинизированная система не предусматривала обозначения тонов, потому что она была предназначена для передачи любого китайского диалекта. Практичность китайского латинизированного алфавита была подтверждена опытами широкого масштаба, проведенными как в СССР в конце 30-х годов, так и во время второй мировой войны на территории Китая.

Различие между этими двумя системами сводилось отнюдь не к различию в обозначении тонов и способе передачи отдельных фонем китайского языка: каждая из них имплицитно предусматривала свой путь создания китайского национального языка. Романизация предусматривала следующую схему взаимоотношений между национальным языком и диалектами: единый национальный язык на пекинской произносительной основе и бесписьменные диалекты, которым отводится роль вспомогательного средства общения на территории их распространения. Латинизация предусматривала создание письменности для каждого диалекта на основе единого алфавита, из которых один диалект избирается в качестве общенационального языка. Таким образом, оба пути ведут к одной и той же

цели, только один ставит диалекты в подчиненное положение, а другой придает им примерно ту же значимость, что и общенациональному языку.

Правительство КНР признает необходимость реформы китайской письменности, однако немедленное проведение ее считается невозможным. Первоочередной мерой было признано упрощение письменности. В январе 1956 г. был утвержден список упрощенных иероглифов. Второй мерой было признано распространение общегосударственного языка на пекинской произносительной основе. Третьей мерой является создание транскрипционного алфавита, который после долгих дискуссий был официально утвержден в 1958 г. Как было объявлено, назначение этого алфавита состоит в том, чтобы служить вспомогательным средством при изучении иероглифической письменности, для справочных, библиографических и иных целей. В технико-отншении транскрипционный алфавит представляет собой соединение романизованного алфавита с латинизированным. От романизованного алфавита взято обязательное обозначение тонов с помощью надстрочных знаков. От латинизированного алфавита заимствовано обозначение фонем. Поскольку в алфавите предусмотрено использование только четырех пекинских тонов, нетрудно заметить, что по общей идее транскрипционный алфавит ничем не отличается от романизованного алфавита.

Дж. Де-Френсис подробно излагает мероприятия правительства КНР в области реформы китайского языка и, что особенно важно, специально останавливается на практике применения фонетического алфавита для разных целей.

Специальный обзор посвящен лингвистическим исследованиям на Тайване. Фактически здесь речь идет не только о работах, которые проводятся там, но также и об исследованиях некоторых китайских ученых, работающих в США. Обзор написан профессором Вашингтонского университета Ли Фан-гумем. Из этого обстоятельного обзора видно, что лингвистические исследования на Тайване продолжают в русле работ, предпринятых в 30 и 40-х годах. Основной интерес сосредоточен в области истории и диалектологии китайского языка. Лишь Чжао Юань-жэнь — профессор Калифорнийского университета — занят проблемами современного китайского языка.

В архивах Китайской академии наук на Тайване находятся материалы изучения диалектов двух провинций — Сычуань и Юньнань, предпринятые в начале 40-х годов. Материалы по диалектам этих двух провинций собирались издавать в той же форме, что и исследование по диалектам провинции Хубэй, но оно до сих пор так и не осуществлено. На основе этих материалов написаны статьи по

частным проблемам диалектов этих провинций.

В области исторической фонетики и исторической грамматики успешно работают Чжоу Фа-гао и Дун Тун-хэ. Помимо работ по китайскому языку на основе материалов, собранных еще в 40-х годах, ведутся также исследования по языкам национальных меньшинств Китая, прежде всего по языкам группы кам-тай и мяо-яо.

В предисловии к библиографии китайского языковедения ее составитель В. Ван предупреждает возможные упреки читателей: «... на последующих страницах, несомненно, содержатся многочисленные фактические ошибки, неверный отбор и пропуски» (стр. 188). Здесь остается лишь подтвердить, что все это имеет место в весьма широком масштабе. Перечислять все неточности и ошибки нет никакого смысла. При подходе, которого придерживается В. Ван, послевоенные работы по китайскому языку, выпущенные в СССР, представлены крайне неполно. Кроме того, в обращении с ними не всегда соблюдается необходимая точность. Воспользуясь случаем, чтобы отказать от статьи В. М. Солнцева «Части речи в китайском языке», которую В. Ван приписал мне.

В главе 2, посвященной Японии, имеется специальный обзор японских работ по китайскому языку. Исследования по китайскому языку основаны на богатой традиции японского китаеведения. Особенно значительны успехи японского языковедения в области изучения китайского языка за послевоенные годы. В эти годы произошла решительная модернизация лингвистических методов в японском языковедении. По мнению автора обзора Тодо Акиясу, начало научных исследований по китайскому языку положено в 1946 г. созданием «Общества по изучению китайского языка». В настоящее время японская школа исследователей китайского языка считается одной из сильнейших и, безусловно, самой продуктивной.

Достижения японских ученых в этой области недостаточно оценены и недостаточно известны. Поэтому обзор японских трудов по китайскому языку, хотя и представляет собой скорее аннотированную библиографию избранных работ по китайскому языку, чем действительный обзор идей, должен привлечь к себе внимание специалистов.

Наибольшая часть обзора посвящена фонологии, где сосредоточены основные труды, которыми известна японская школа изучения китайского языка. Темы и идеи исторической фонетики китайского языка в Японии мало чем отличаются от соответствующих тем и идей в Китае. Однако японские лингвисты проявляют полную самостоятельность в исследовании по фонетике современного китайского

языка. В методическом отношении эти работы находятся на уровне самых высоких требований.

Обзор трудов по грамматике менее полон. Сюда включены главным образом монографии. Подбор статей, вошедших в этот раздел, кажется довольно случайным и никоим образом не отражает современного состояния грамматических исследований по китайскому языку в японской научной литературе. Грамматические исследования по китайскому языку в Японии обнаруживают существенную зависимость — как тематическую, так и идейную — от современной китайской науки.

Завершая обзор главы, посвященной Китаю в рецензируемой книге, следует еще раз подчеркнуть большое значение этого издания и выразить надежду на появление таких публикаций в будущем. Однако при работе над последующими изданиями следует иметь в виду, что специализация в китайском языковедении все более углубляется. В условиях такой специализации нельзя будет охватить сколько-нибудь широкую область исследований с достаточной для такого издания полнотой. Поэтому следует пожелать, чтобы организаторы последующих изданий привлекли к составлению обзоров большее число узких специалистов.

В главе «Япония» в отличие от других разделов рецензируемого тома совсем ничего не говорится об исследовании японского языка в иных странах. Все статьи, входящие в эту главу, рассказывают о развитии языковедения в самой Японии, причем из восьми статей лишь две («Историческое языковедение, включая связи с другими языками» и «Диалектология») целиком и две («Описательное языковедение в Японии» и «Система письма: историческое изучение и современное развитие») частично посвящены исследованиям в области японского языка. Остальные четыре статьи посвящены изучению в Японии китайского языка, языков Юго-Восточной Азии, языка айпов, а также английского языка.

Уже сами названия статей показывают, что в рецензируемой книге представлены не все области языковедения, которые исследуются в японской науке. Так, всего лишь в одной фразе упоминается изучение так называемого «языкового существования», хотя исследования в этой области в настоящее время развиваются в Японии очень интенсивно и занимают одно из ведущих мест в мире. Очень мало освещены работы в различных областях математического и прикладного языковедения (исключение сделано лишь для вопросов методики обучения английскому языку); экспериментально-фонетических исследований касается лишь статья «Изучение английского языка в Японии»; почти ничего не сказано о статистических исследованиях. Практически

никак не освещены работы в области установления генетических связей японского языка, кроме исследований о его связях с айским. Нет никакого упоминания об изучении в Японии других европейских языков, кроме английского, многих языков Азии, в том числе корейского (если не считать описания одного исследования, касающегося корейской письменности).

Те разделы языкознания, которые представлены в книге, описаны с разной степенью полноты. Так, в статье «Описательное языкознание в Японии» указываются лишь труды, наиболее интересные с точки зрения ее автора; в некоторых других статьях перечисляются почти все японские работы по соответствующим проблемам (например, работы в области айского и английского языков).

Кроме того, индивидуальность авторов сказалась на отсутствии более или менее единообразного подхода к изложению материала. Одни из статей представляют собой развернутые библиографические обзоры; статья же «Описательное языкознание в Японии», например, в значительной части излагает лингвистическую концепцию автора, в свете которой рассматривается история японской лингвистики.

В целом из рецензируемого тома можно получить представление о современном состоянии японского языкознания, которое пока еще недостаточно известно за пределами Японии.

Все статьи написаны японскими учеными или лингвистами, работающими в Японии.

Центральной является статья одного из крупнейших современных японских языковедов Хаттори Сиро «Описательное языкознание в Японии», который стремится определить основные пути развития японского языкознания, вскрыть методологические основы различных лингвистических направлений.

Как известно, японское научное языкознание зародилось в XVII—XVIII вв. Изучая прежде всего классический язык памятников VIII—XI вв., первые японские лингвисты Фудзитаки Нариакира, Мотоори Норинага и др. не могли в полной мере ориентироваться на значение, зачастую точно не известное, поэтому в их трудах было детально разработано изучение текстуальных функций (прежде всего дистрибуции) слов и морфем. При довольно высоком уровне синхронного изучения классического языка лингвистам того времени были чужды идеи историзма. В период Мэйдзи (1868—1912 гг.) в Японии началось знакомство с европейским языкознанием, под влиянием которого появился интерес к изучению разговорного языка и к историческим исследованиям. Тем не менее наряду с европейскими влияниями в Японии всегда существовала национальная традиция. По-

этому многие японские ученые, в частности Дзимбо Каку, в своих работах независимо от Ф. де Соссюра пришли к четкому противопоставлению синхронии и диахронии. Сконца XIX — начала XX в. в Японии стало интенсивно развиваться изучение современного японского языка. Первоначально эти работы страдали, с одной стороны, некритическим перенесением методов описания западных языков, с другой стороны, распространением на современный язык норм древнего языка; часто точки зрения авторов никак не подтверждались языковыми примерами, однако уже в работах таких лингвистов первой половины XX в., как Ямада Ёсио, Хасимото Синкити, эти недостатки стали преодолеваться. До второй мировой войны преобладало изучение грамматической стороны языка, в последнее время интенсивно стала развиваться также фонология, большее место стали занимать и исследования других языков. Лексикология и семантика остаются наиболее слабым местом японской лингвистики.

Научное изучение звуковой стороны языка началось лишь в период Мэйдзи. Основы фонологии в японской лингвистике были заложены Дзимбо Каку, а затем Арисака Хидэо, автором работы «Онзингаку» («Фонология») (1940). Арисака отнесил к одной фонеме звуки, которые физически могут различаться, но объединяются общей «целе-идеей», и подтверждал это тем, что звуки, подвергающиеся позиционным изменениям в беглой речи, при медленном, четком выговоре в той же позиции произносятся близко к звучанию данной фонемы в независимом положении.

Хаттори, развивая учение Арисака и сочетая его с теориями американских лингвистов, выдвинул фонологическую концепцию²¹, в которой особое место занимает так называемый принцип ассимиляции под влиянием окружения. В соответствии с этим принципом аллофоны, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, объединяются в одну фонему в том случае, если фонетические признаки, которыми они различаются, могут быть объяснены ассимиляцией одного и того же звука в данном окружении. По этой концепции английские [h] и [r] оказываются различными фонемами, но различными фонемами оказываются, например, японские [g] и [ŋ], обычно считающиеся аллофонами ([g] встречается в начале фонетического слова, [ŋ] — во всех других случаях, причем они могут встречаться в одних и тех же морфемах в зависимости от позиции).

Многие исследования посвящены также просодическим явлениям (работы Кои-

²¹ Она изложена в статьях, собранных в его книге «Гэнгогаку но хōхō» («Методы лингвистики»), Токио, 1960.

ти Мията, Арисака Хидэи и др.). Сам Хаттори выдвигает концепцию просодемы. Просодема — это особая единица (не фонема!), в которую входят высота тона, интонация, артикуляция. Например, русск. *но́ра* и *на́ра*, по его мнению, имеют одинаковый фонемный состав, на который накладываются разные просодемы. Изучение просодем Хаттори проводит с точки зрения их оппозиций, выделяя их различительные признаки.

При изучении грамматики в Японии, как указывает автор, никогда не была широко распространена точка зрения, исключавшая значение из рассмотрения. По мнению Хаттори, единицы языка обладают функциями двойного характера: 1) текстуальными, определяющими их положение в тексте и ограничения в их сочетаемости, и 2) ситуативными, указывающими на релевантные характеристики вещей и событий в ситуации высказывания, причем и грамматика, и семантика связаны с изучением функций обоих родов.

В области изучения основных единиц языка, прежде всего предложения, под влиянием европейской лингвистики в японском языкознании начала XX в. господствовало психологическое определение предложения (например, у Ямада), позднее (у Хасимото) предложение определялось также и с фонетической точки зрения, прежде всего в связи с интонацией. Хаттори определяет предложение как неделимое единство смысла и звучания. Он различает высказывание как единицу речи и предложение как единицу языка, причем высказывание включает в себя звук, значение и «высказывателя», а предложение — фонологическую модель, смысл и «выразителя» («высказывателя» может отличаться от «выразителя», например, в случае выражения иронии).

До знакомства с европейской наукой в японском языкознании не было понятия, соответствующего слову, тем не менее японские ученые, например, при установлении частей речи, фактически делили текст на отрезки, соответствующие словам. В современной японской лингвистике, начиная от Хасимото, выделяют две единицы — «бунсацу», обычно соответствующую фонетическому слову, и единицу, близкую к слову, традиционно выделяемому в европейских языках.

Классификации частей речи в японском языкознании во многом отличаются друг от друга. Например, Ямада и Хасимото проводили деление слов на самостоятельные и служебные, считая междометия одним из видов самостоятельных слов; Мацусита прежде всего выделял междометия, разделяя остальные слова на обозначающие вещи, обозначающие действия и модификаторы (служебные слова, а также наречия). По мнению Хаттори,

деление слов на классы определяется и текстуальными функциями, и значением; эти два аспекта невозможно до конца разделить, поэтому всегда существует возможность многих классификаций в зависимости от того, на что в первую очередь обращается внимание.

В японском языкознании существуют различные синтаксические теории связи членов предложения. Обычно членами предложения считают «бунсацу»; Хаттори, основываясь на возможности отделять паузой некоторые послелоги от слова, к которому они примыкают, полагает, что могут быть синтаксические связи и между словами (по его определению слова). В соответствии с концепцией Хасимото «бунсацу» сопоставимы на одном уровне, а образуют единицы на разной глубине; анализ предложения у Хасимото аналогичен анализу по непосредственно составляющим. В последнее время наблюдается интерес к исследованиям по порождающим грамматикам; несколько раньше и независимо от школы Н. Хомского некоторые японские ученые (например, Мио Исаго) проводили работы, близкие к трансформационному анализу.

Изучение лексико-семантических значений в японском языкознании до сих пор не на высоком уровне. Лишь в последнее время пытаются изучать словарь более или менее объективными методами (статья Кунихиро Тэцую, где строится система для группы слов со значением теплоты, работы Хаяси Оки по статистическому исследованию словаря). Более разработан анализ грамматических значений, который проводился еще основоположниками японского языкознания в XVIII в. Хаттори считает, что при изучении значения необходимо выделять единицы разных уровней вплоть до элементарных единиц значения как грамматического, так и лексико-семантического — семем, которые, как и фонемы, можно описывать через дифференциальные признаки; семемы и их признаки могут выделяться путем изучения дистрибуции. Формы, стоящие в той же позиции, имеют в общем одинаковый грамматический признак; формы, объединяемые в одной таксеме (или модели предложения), обладают согласованными грамматическими признаками²².

К статье Хаттори близка по своей направленности статья Ямада Тосио «Система письма: историческое изучение и современное развитие». Изучение письма в Японии можно разделить на два этапа. До 40—50-х годов XIX в. письменность рассматривалась обычно как нечто внешнее по отношению к языку, не учитыва-

²² Более подробно эта теория изложена Хаттори в статье «Ииси но кёдзё то кинё» («Структура и функция системы»), «Гэнго кэнкю», 45, 1964.

лась связь между языком и письменностью. Однако и в этот период были произведены ценные исследования исторического характера; в частности, изучение иероглифов, применявшихся для фонетической записи текстов VIII в., помогло уточнить фонологическую систему языка того времени, было изучено происхождение знаков японских слоговых азбук.

В настоящее время все более проявляется стремление рассматривать письменность как систему, определить ее основные единицы и взаимосвязь между ними. Эти исследования ведутся в Японии, по-видимому, интенсивнее, чем во многих других странах; это связано со сложным характером японской письменности, требующим ее систематического изучения. Первым ученым, который старался создать теорию письменности, был Икэгами Тэйдо. Вслед за ним подобные исследования ведут Камэи Такаси, Коно Рокуро, Ямада Тосию и др.

По мнению Ямада Тосию, не вполне корректно говорить, что знак письменности так же связан с понятием, как звук с фонемой, но некоторый параллелизм здесь есть. Основная цель знака письменности — выражение слова, причем связь знака и слова может проявляться на разных уровнях: при одних способах письма знак соответствует слову, а звуки, из которых состоит слово — частям знака; в других знак соответствует звуку, а слово — последовательности знаков. В работах Икэгами исследуется письмо с точки зрения намерения пишущего, в связи с этим классифицируются ошибки при письме. Системы письма изучаются также с исторической точки зрения. Исследуется употребление иероглифов в древнеяпонском языке, прежде всего в плане того, как письмо, выработанное для одного языка, может передавать систему другого языка и как система письменности приспосабливается к языковой системе. И в синхронном, и в диахронном изучении системы письма в Японии достигнуты определенные успехи, хотя многие положения о системном изучении письма пока еще остаются декларациями, а создание структурной теории письма, которую можно сравнить с фонологией или теорией грамматики, пока дело будущего.

В статье указывается на необходимость дальнейших работ в области упрощения японской письменности.

В статье Цукисима Хироси «Историческая лингвистика, включая связи с другими языками» описываются как диахронические исследования, так и попытки реконструкции состояний японского языка. Основными объектами изучения являются историческая фонология и грамматика, в меньшей степени лексикология, в последнее время привлекают внимание также история системы письма и истори-

ческое изучение литературных стилей (Касуга Масадзи, Цукисима Хироси и др.).

Исследования по исторической фонологии начались в Японии в период Мэйдзи. С этого времени многие японские лингвисты (Оя Тору, Касуга Масадзи, Наката Норико и др.) занимались, в частности, изучением пометок в написанных иероглифами памятниках. Эти пометки, указывавшие на чтение иероглифов, не изменялись переписчиками, поэтому их можно считать надежным источником сведений о древне- и среднеяпонском языке, прежде всего о его фонологической системе. Изучение так называемой «магьёган» (иероглифов, использованных фонетически), проводившееся Оя Тору, Хасимото Синкити, Арисака Хидэи и др., позволило уточнить фонологическую систему языка VIII в.; в частности, было установлено, что в то время было не пять гласных фонем, как в более позднее время, а восемь. Фонологическая система XVI—XVII вв. изучается на основе литературы, написанной европейцами в латинской письменности (изучением этих памятников занимались Симмура Идзуро, Дои Тадао и др.). Эти памятники имеют значение и для исторической диалектологии. Ведутся также работы по исторической акцентологии (Хаттори Сиро, Киндайти Харукихо и др.).

Изучение исторической грамматики началось в XVIII в. В начале XX в. были созданы обобщающие труды Ямада Ёсио «Наратё бумпёси» («История грамматики периода Нара») (1913) и «Хэйантё бумпёси» («История грамматики периода Хэйан») (1913), которые, по мнению Цукисима, до сих пор остаются непревзойденными образцами изучения грамматики VIII—XI вв. Грамматикой языка XVII—XVIII вв. занимался Юдзава Кокитиро.

Историческое изучение лексики было фрагментарным: основными областями исследований были этимология и история китайских заимствований.

Вместе с тем, создаются работы общего характера, где дается систематический очерк истории японского языка²³.

Большая работа проделана японскими учеными по изданию и комментированию классических текстов. Значительная часть дошедших до нас памятников издана с подробными комментариями, указателями и переводом на современный язык. Такого рода издания характеризуются очень высоким научным уровнем.

Статья Виллема А. Гроотерса посвящена диалектологии в Японии. Перед

²³ См., например: Ёсидава Ёсиори, Кокугоси гайсацу, Киото, 1931; многотомные серии: «Кокуго но рэкиси», Токио, 1952, «Нихонго но рэкиси», Токио, 1963—1966.

второй мировой войной исследование диалектов носило случайный характер и проводилось преимущественно с точки зрения разыскания и толкования слов, не известных в литературном языке. Научную ценность представляли только отдельные работы, прежде всего основателей японской диалектологии Янагита Куньо и Тодзэ Мисао.

В послевоенные годы японская диалектология, центром которой является общество «Кокуго гаккай» (основано в 1944 г.), развивается более интенсивно, хотя ее развитию мешает недостаточное знакомство японских диалектологов с работами зарубежных ученых, трудности с опубликованием работ и другие причины.

Первая классификация диалектов была проведена в 1927 г. Тодзэ Мисао; сейчас предложено несколько классификаций по различным признакам. В последнее время стремятся изучать диалекты системно, что позволяет по-новому подойти к проблеме диалектного членения.

В последние годы в Японии составлялись лингвистические карты и атласы. В 1958—1964 гг. был составлен лингвистический атлас Японии (пока опубликован лишь первый его выпуск); исследования проводились в 2400 пунктах, информантам задавалось от 219 до 295 вопросов. Составлены также атласы отдельных районов Японии, например, атлас района Итогава (префектура Ниигата). Описываются наименее исследованные диалекты мелких островов Тихого океана. Хаттори пытался применить к изучению японских диалектов метод глоттохронологии. Ведутся также исследования по исторической диалектологии.

Статья Тамура (Фукуда) Судзую посвящена изучению языка айнов. Работы в этой области начались в Японии в начале XX в. Первым ученым, исследовавшим этот язык, был Киндайти Кёсукэ, которого в первую очередь интересовала культура и фольклор айнов. С 30-х годов изучением айнского языка занимался Тири Масихо (айн по происхождению), исследовавший лексику и этимологию, а также топонимию о-ва Хоккайдо. Новый этап в изучении айнского языка связан с именами Хаттори и его учеников Тамура (Фукуда) Судзую, Мураками Кёко и др., которые широко применяют методы современной лингвистики. Им принадлежит наиболее значительная работа по айнскому языку «Айнуго хёгэн дзитэн» («Словарь айнских диалектов») (Токио, 1964), в которой также дано описание 10 айнских диалектов, составленное в основном на материале опроса информантов. Наряду с работами по описанию структуры айнского языка ведутся исследования по истории языка, а также производятся попытки сопоставления айнского языка с японским (в отличие от Киндайти Хаттори считает их родство возможным).

Статья Ота Акира «Изучение английского языка в Японии» по содержанию шире своего названия: в ней также говорится о влиянии американской и европейской лингвистики на японское языкознание. До второй мировой войны известность в Японии имели прежде всего работы европейских ученых — наиболее значительным было влияние О. Есперсена, популярными были и идеи других ученых, в частности Ф. де Соссюра, в то время как работы американских лингвистов (даже Э. Сепира и Л. Блумфилда) были почти неизвестны. Заметим, что в главе «Япония» нигде не говорится о влиянии на японскую лингвистику работ русских и советских ученых, в частности, исследований Е. Д. Поливанова по японскому языку (особенно в области акцентологии), значение которых отмечается многими японскими языковедами²⁴.

После 1945 г. в японском языкознании наиболее ощутимо влияние американской, в первую очередь, дескриптивной лингвистики, а из европейских школ — иногда влияние лондонской школы и глоссематики. Если до второй мировой войны господствовало изучение языка в связи со значением, был замечен интерес к универсальным грамматическим категориям, то после войны стали появляться работы, в которых к явлениям языка подходили более формально, часто исключая значение из рассмотрения. Повысилось внимание к общей модели, а не к частностям, появились исследования, в которых пытаются связать между собой различные уровни языка. Влияние американской лингвистики проявилось и во внимании к фонологии и к акустической фонетике, а также в стремлении рассмотреть язык в более широком аспекте, связывая языкознание с психологией, математической логикой, теорией информации и т. д. В последнее время проявляется интерес к теориям порождающих грамматик, однако японские работы в этой области пока не идут дальше применения идей Хомского к отдельным областям японского языка. Пока трудно говорить о том, насколько значительно влияние этого направления: по мнению Ота, здесь есть опасность возродить традиционную грамматику, недостаточно формализованную.

Однако влияние американской лингвистики не привело к забвению традиций японского языкознания. Крайние теории американского структурализма, совершенно игнорировавшие значение, никогда не имели успеха в Японии, так как слишком противоречили всему предшествующему опыту японской лингвистики.

Изучение английского языка получило большое распространение в Японии в по-

²⁴ См., например: «Кокугогаку дзитэн» («Лингвистический словарь»), Токио, 1955, стр. 877.

слевоенное время. Среди работ по фонологии упоминаются книга Ота Акира «Phonemics of American English» (Токио, 1959), дающая описание фонологической системы диалектов северной части Среднего Запада; исследования просодических элементов, труды по исторической фонологии. В настоящее время ведутся исследования экспериментально-фонетического характера (Горин Цугуёси и др.). Менее разработаны проблемы английской грамматики, причем работы более общего характера в основном носят традиционный характер (в духе идей О. Есперсена или А. Марти); исследуются отдельные узкие проблемы, главным образом, синтаксиса. В некоторых работах (например, Мори Есинобу) изучаются вопросы семантики. Ведутся диалектологические исследования (труды Танигучи Дзиро по ирландскому диалекту). Японские языковеды часто обращаются к изучению языка отдельных английских писателей. В статье Ота большое внимание уделяется проблемам практического изучения английского языка в Японии, описывается учебно-методическая литература и книги практического характера (сопоставительные грамматики и др.).

В рецензируемом томе, таким образом, дан широкий обзор японского языковедения с XVII—XVIII вв. до 1964 г., в целом дающий представление (хотя и не всегда достаточно полное) о том вкладе, который внесли японские ученые в науку о языке.

Обзорной статьей «Лингвистика в Корейской республике»²⁵ (стр. 735—757) открывается третья глава «Корея. Монголия. Тибет» рецензируемого тома; эта статья впервые знакомит лингвистический мир Запада с основными достижениями и современным состоянием корейского языковедения в Южной Корее.

Проследившая развитие важнейших отраслей науки о корейском языке в южной части Корейского полуострова после падения японского колониального режима в 1945 г., автор дает полезную информацию в виде многочисленных библиографических ссылок, составляющих почти половину обзора (кстати, сведения о публикациях он получил de visu или же путем консультаций с южнокорейскими лингвистами). Благодаря тому, что библиографическое описание работ приводится в системе «романизации корейского письма» Маккьюна — Рейшауэра и в переводе на английский язык, библиография доступна и лингвистам, не знающим корейской графики.

²⁵ Эта статья написана американским ученым Ф. Лукоффом, который известен в кореведении своими трудами — «A grammar of Korean» (Ann Arbor, 1954), «Spoken Korean. Basic course» (1—3, New York, 1945—1947) и др.

Из-за отсутствия в нашем распоряжении многих работ южнокорейских языковедов (главным образом статей из сборников и периодических изданий) мы лишены возможности фактически оценить ряд интерпретаций автора. Поэтому придется ограничиться самым общим перечнем проблем, затрагиваемых в обзоре. Естественно, что Ф. Лукофф упоминает лишь наиболее существенные работы, ибо полная библиография литературы по корейскому языковедению могла бы в настоящее время составить солидный том²⁶. И все же в некоторых частях его обзор нуждается в дополнении и уточнении.

Ф. Лукофф условно выделяет два периода в развитии языковедения в Южной Корее: 1) в 1945—1950 гг. корейские лингвисты были заняты вопросами стандартизации языка и составлением дескриптивных грамматик (как отмечает автор, новый тип дескриптивной грамматики корейского языка был разработан в 1946 г. Чон Йольмо, ныне проживающим в КНДР); 2) после 1950 г. внимание большинства лингвистов (Ким Минсу, Ким Хйонгю, Ким Юнгйюца, Ли Гимун, Ли Сунйюца, Ли Хысыца, Нам Гвацу, Хё Уца, Чхве Хйонбё, Ю Чхандона и др.) сосредоточено преимущественно на диахроническом исследовании корейского языка. Историческая проблематика детально отражена в обзоре.

Значительная доля работ по истории корейского языка посвящена исторической фонологии периода после изобретения корейского алфавита в 1444 г. В них рассматриваются такие спорные вопросы, как звуковой потенциал исчезнувших букв и буквосочетаний, природа тональных отметок с левой стороны корейского письменного слога, эволюция «сильных» согласных, историческое смягчение согласных, сингармонизм и т. д. Предпринимаются также попытки реконструировать фонетику древнекорейского языка до XV в. Отсюда и повышенный интерес к корейскому языку в сравнительно-историческом плане (главным образом в связи с «алтайской гипотезой»). Вышло несколько исторических грамматик корейского языка. Достаточно глубоко изучены пассивные, каузативные и гонорифические формы глагола, система времен гла-

²⁶ Аннотированную библиографию работ южнокорейских лингвистов см.: «Кукхак йонгу нондžo чхоцнам» («Указатель работ по Корее»), Сеул, 1960; списки работ по корейскому языковедению см.: К о н б о Р о к у р б, Тэсан гогаку си хотю (Дополнение к «Истории корейского языковедения»), в кн.: О г у р а С и м п ё й, Дзётэй Тэсан гогаку си (История корейского языковедения. Доп. и испр. изд.), Токио, 1965; «Хангук чхульпхан йонгам. 1963», Сеул, 1963, стр. 259—277, 455—458.

гола, эволюция поминативных аффиксов *-ка/-га* и *-и*, морфематические альтернативы, процессы словообразования и т. п. К добросовестной сводке работ в этом разделе обзора хотелось бы добавить лишь материалы по этимологии корейского языка: «*Овон чарё чипсод*». Тонгук тэхаккё кугё кудмун хакхве («Материалы по этимологии»). Сост. Об-во по изучению корейского языка и письменности при Ун-те Тонгук), вып. 1—3, Сеул, 1957—1958; Чхве Хаккын, *Овон йбгу панпюмон сого* (Заметки о методах этимологического исследования), ч. 1—2, «Хангыль», № 126—127, 1960. Автору следовало бы упомянуть и первые словари средневекового корейского языка, появившиеся после 1945 г. — Паң Джонхйбна (1947), Чаң Тхэджина и Ким Бйбдже (1948), Ли Саңчхуна (1949).

Обширные исследования проводятся корейскими лингвистами в области диалектологии, а также профессиональных аргю. Большую ценность имеют записи самого южного корейского диалекта — о. Чеджудо. В обзор Ф. Лукоффа включена лишь незначительная часть работ по диалектологии, опубликованных в Южной Корее.

Если судить по обзору, то современный корейский язык еще не стал главным объектом лингвистического анализа. Правда, в поле зрения южнокорейских языковедов постоянно находятся вопросы орфографии, упорядочения лингвистической терминологии, составления учебных грамматик и словарей, но по сравнению с историей языка здесь уже и беднее круг проблем. Возможно, одна из причин этого кроется в отождествлении научной грамматики со школьной. Но как бы то ни было, перевес исторической проблематики губительно сказался на разработке и описании современного языка. Вместе с тем в обзоре не указаны некоторые сборники статей и монографии отдельных авторов по современному языку, например, Ли Хисың, Чосон бхак нонго (Статьи по корейскому языкознанию), Сеул, 1947; Ким Минсу, Сян кугёхак са (Новая история корейского языкознания), Сеул, 1964; Ли Джинмо, Кугёхак кэрон (Очерк корейского языкознания), Сеул, 1953; Яң Джудон, Кугё йбгу нонго (Статьи по изучению корейского языка), Сеул, 1962, и др.

Не включен в обзор и ряд работ по орфографии, в частности, труды Чхве Хйбнэ (1945, 1954, 1956), а также «Хангыль матчхумпюп саджён» («Орфографический словарь корейского языка»), Сеул, 1961.

Больше всего в обзоре не повезло лексикографии. Кроме «Большого словаря корейского языка» в шести томах и нескольких словарей древней и диалектной лексики, в обзоре не упомянуты много-

численные словари самых различных типов: толковые — современного литературного языка (Ли Юндже — 1947, 1959; Син Гичхёль и Син Еңчхёль — 1958), современного национального языка (Об-во по изучению корейского языка и письменности — 1958; Об-во по изучению корейского языка — 1958, 1961; Ли Хисың — 1961, 1966; Пак Усён — 1963; изд-во «Гоца» — 1963 и др.); двуязычные (корейско-английские, англо-корейские и др.); иероглифические²⁷, терминологические и т. д.

Обзор Ф. Лукоффа довольно точен в отношении сообщаемых им библиографических сведений. Укажем на отдельные замеченные неточности. Годом основания «Хангыль», печатного органа Корейского лингвистического общества, следует считать не 1932 г. (см. стр. 736), а 1927 г. (с февраля 1927 г. до октября 1928 г. вышло девять номеров, после чего был перерыв в выпуске журнала до мая 1932 г.)²⁸. Перевод названия работы Чхве Хйбнэ «Исследование корейской письменности» и год ее издания даны в обзоре неверно («Исследование корейской орфографии» — см. стр. 737 и 1942 г. вместо правильного 1940 г.). В названии книги Ким Хйбнэ (1962) ошибочно написано последнее слово — «Кугёхак кэрон» (должно быть: кэсоль). Имеются опечатки в транскрипционной орфографии.

Ф. Лукофф выражает сожаление по поводу того, что вынужден был ограничиться обзором лингвистической работы только в Южной Корее из-за недоступности изданий, вышедших в КНДР. Разделяя это сожаление, нам бы хотелось в самых общих чертах отметить широкий размах деятельности, развернутой языковедами КНДР²⁹. (Аналитический обзор развития лингвистики в КНДР за годы после освобождения оставляем на будущее.)

С первых же лет после установления народной власти в Северной Корее языковая политика была направлена на нор-

²⁷ Ким Минсу, Сэ чаджён (Новый иероглифический словарь), Сеул, 1961; Квён Санно, Чаң Добиң, Коса соё саджён (Словарь китайских фразеологизмов, встречающихся в исторических источниках), Сеул, 1961.

²⁸ См.: Чхве Хйбнэ, Хангыль калль (Исследование корейской письменности), Сеул, 1940, стр. 70, 114.

²⁹ Обзоры работ языковедов КНДР см.: Ю. Н. Мазур, Корейская Народно-Демократическая Республика (в серии «Вопросы языкознания за рубежом»), ВЯ, 1952, 3; его же, Корейский язык, М., 1960, стр. 107—108, библиография стр. 115—116; О. П. Петрова, Вопросы языка в КНДР, ВЯ, 1953, 3; Цой Ден Ху, Из истории языкознания в Корее, ВЯ, 1954, 4.

мирование и демократизацию языка. Поэтому основным объектом исследования здесь был и остается современный корейский язык. Им занимаются несколько научных центров КНДР. В феврале 1947 г. было создано Общество по изучению корейского языка и письменности, которое издавало ежемесячный журнал «Чосонь йонгу» («Изучение корейского языка», с апреля 1949 г. всего вышло 12 номеров). С учреждением Академии наук КНДР в 1952 г. Общество было преобразовано в Институт корейского языка и корейской литературы, который в 1956 г. стал называться Институтом языка и литературы. С января 1956 г. этот Институт выпускал двухмесячный журнал «Чосонь ому» («Корейский язык и литература»), от которого в 1961 г. отпочковался собственно лингвистический журнал «Чосонь охак» («Корейское языкознание»). В 1966 г. языкознание и литературоведение снова были объединены под одной обложкой — «Ому» («Изучение языка и литературы», периодичность — четыре номера в год). В 1964 г. в связи с выделением в системе АН КНДР Академии общественных наук Институт языкознания стал самостоятельным учреждением АОН. 11 апреля 1964 г. было основано Корейское лингвистическое общество. Несколько позже была создана Комиссия по нормированию корейского языка. С февраля 1958 г. по 1962 г. включительно издавался также ежемесячный (вначале двухмесячный) научно-популярный журнал «Маль-тва кыль» («Язык и письменность»), а с июня 1968 г. стал выходить ежеквартальник «Мунхваб хаксып» («Изучение культурного [= литературного] языка»). Большую работу ведут и кафедры корейского языка в Университете им. Ким Ир Сена и в педагогических институтах.

В перечисленных журналах, а также в различных сборниках и ученых записках опубликовано огромное количество статей по самым разнообразным проблемам корейского языкознания. Один их перечень занял бы много страниц. Поэтому мы укажем лишь наиболее крупные монографические исследования, сборники и словари (место издания всех их — Пхеньян).

Современный корейский язык: «Чосонь подондач-ый чидо-мигхе кэхва паль-тархан ури минджогё» («Наш национальный язык, развивающийся и совершенствующийся под руководством Трудовой партии Кореи»), 1962; «Маль-тва кыр-ый мунхваб» («Культура языка и письменности»), 1963; «Ури сэчхваль-тва онё» («Язык в нашей жизни»), 1963; «Хйондэ чосонь» («Современный корейский язык»), ч. 1. Лексика и фонетика, 1961; ч. 2. Морфология, 1961; ч. 3. Синтаксис, 1962.

Грамматика: «Чосонь мунипён» («Грамматика корейского языка». Сост. Об-во

по изучению корейского языка и письменности), 1949; Ким Сугён, Чосонь мунипён (Грамматика корейского языка), 1954; Ли Гынён, Чосонь кодыч мунипён (Грамматика корейского языка для высшей школы), 1955; Ким Бёндже, Чосонь мунипён (Грамматика корейского языка), 1956; «Чосонь мунипён» («Грамматика корейского языка». Сост. Ин-т языка и литературы АН КНДР), т. 1. Фонетика и морфология, 1960; т. 2. Синтаксис, 1963.

Фонетика: Ли Гынно, Сирхён тохэ чосонь ымсёпхак (Фонетика корейского языка. Экспериментальное исследование), 1949; его же, Чосонь йокчём йонгу (Исследование акцентуации корейского языка), 1964.

Орфография: «Чосонь чхольччаппён» («Орфография корейского языка»), 1954, 1956; «Чосонь чхольччаппён саджён» («Орфографический словарь корейского языка»), 1956; «Чосонь верэб пхёгиппён» («Способы написания иностранных слов в корейском языке»), 1955, 1958; «Чосоньмаль кюбём чип» («Нормирование корейского языка»), 1966; «Верэб матчхумпён» («Правописание иностранных слов»), 1968.

Диалектология: Ким Бёндже, Чосонь паёнбхак кэб (Очерки корейской диалектологии), ч. 1, 1959; ч. 2, 1965.

Стилистика: Ли Гынён, Чосонь муничхерон (Стилистика корейского языка), 1964.

История языка: Чён Моңсу и Хоң Гимун, Хунмин джёнчым йёкхэ (Корейский национальный алфавит, с объяснениями и таблицами), 1949; Чён Йёльмо, Силла хяңга чухэ (Толкование песен *янга* периода Силла), 1954; Хоң Гимун, Хяңга хэсёк (Комментарий к *янга*), 1956; его же, Иду йонгу (Исследование письма *иду*), 1957; его же, Чосонь йёкса мунипён (Историческая грамматика корейского языка), 1966; Хван Буйбон, 15 сегн чосонь чончхон помджу-ый йонгу (Исследование категории ориентации в корейском языке XV в.), 1959; «Чосонь пхёджун са» («История корейского литературного языка»), 1965.

Лексикография: «Чосонь сосаджён» («Малый словарь корейского языка»), 1955, 1956; «Ноджо саджён» («Русско-корейский словарь»), 1958; «Чосоньмаль саджён» («Словарь корейского языка»), 6 тт., 1960—1962; «Сэ онхйён» («Новый иероглифический словарь»), 1964; «Хйондэ чосоньмаль саджён» («Словарь современного корейского языка»), 1968.

В КНДР опубликовано также много памятников корейской письменности.

Раздел «Монголия», написанный Н. Поппе, посвящен обзору лингвистической работы, которая ведется в настоящее время в Монгольской Народной Республике. Сделанный очень тщательно обзор дает общее представление о состоянии и основных видах этой работы, о некоторых наи-

более интересных трудах ведущих ученых-филологов; недостаточность материала, которым располагал автор обзора, не позволила более полно представить тематику и объем лингвистических исследований. Поэтому для полноты картины следовало бы внести некоторые дополнения.

В обзоре справедливо говорится, что монголы, несмотря на свою долгую историю, — молодая нация. Действительно, сама МНР, ее наука и лингвистика, в частности, еще очень молоды. Не все разделы науки о языке развиты равномерно, но можно видеть, как год от года углубляется и расширяется проблематика языковедческих работ. Недлишне напомнить об осуществлении монгольскими учеными-языковедами всех важных практических мероприятий, связанных с ликвидацией неграмотности и постановкой дела образования в стране.

В настоящее время в лингвистической работе МНР наиболее развиты три направления: исследование по грамматике монгольского языка, диалектологические исследования и словарная работа.

Что касается грамматических исследований, то тематика здесь весьма разнообразна и включает в себя вопросы фонологии, проблемы отдельных частей речи и частных грамматических категорий, вопросы структуры слова и структуры монгольского предложения.

В последнее время достаточно внимания уделяется изучению и описанию звукового строя монгольского языка. Много в области фонологии сделано акад. Ш. Лувсанванданом, целый ряд работ которого (помимо указанных в обзоре) посвящен редуцированным гласным в халхаском диалекте монгольского языка, происхождению долгих гласных современного монгольского языка, фонемной системе халха-монгольского языка, фонемной системе древнемонгольского языка³⁰. В 1967 г. вышла его книга «Грамматика современного монгольского языка». Звуковой состав монгольского языка»³¹, содержащая разделы фонетики, фонематики и графики. Книга Ш. Лувсан-

вандана, который использовал фонологические исследования монгольского языка, проведенные русскими, западноевропейскими и американскими учеными, дает довольно полное описание монгольской фонематической системы и является заметным вкладом в монгольское языковедение.

Морфемная структура монгольского слова рассмотрена в статьях А. Лувсандэндэва и Ш. Лувсанвандана³². Грамматическое значение и функции некоторых морфологических формантов разбираются в статьях П. Бямбасана, Ц. Аюрзана, Л. Дамдинжавы³³. Опубликованы описания отдельных частей речи, например, послелогов, некоторых местоимений, сложной и спорной в монгольском языке части речи — наречия, парных слов³⁴.

В 1966 г. вышла в свет «Грамматика современного монгольского языка»³⁵, учебное пособие для студентов университета и вузов, составленное коллективом авторов под общей редакцией Ш. Лувсанвандана. Эта первая национальная грамматика для высшей школы — заметное событие в лингвистической жизни Монголии. Издан также учебник старописьменного монгольского языка для вузов³⁶.

³² А. Лувсандэндэв, Монгол угийн бутэц, «Хэл зохиол», I, 2, Улаанбаатар, 1960; Ш. Лувсанвандан, Монгол хэлний угийн бутцийн тухай асуудалд, «Монгол Улсын Их Сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг» (далее сокращенно — МУИСЭШ бичиг), 7, Улаанбаатар, 1964.

³³ П. Бямбасан, Орчин цагийн монгол хэлний *маар, мээр, моор, дагавар*, «Улсын Багшийн Дээд сургуулийн заах арга эрдэм шинжилгээний бичиг» (далее — УБДС-ийн ЗАЭШБ), II, Улаанбаатар, 1964; Ц. Аюрзан, Орчин цагийн монгол хэлний нэр уг бутэц дагавар, «Их Сургуулийн багш оюутны эрдэм шинжилгээний бичиг» (далее — ИСБӨШБ), Улаанбаатар, 1963; Л. Дамдинжав, Зарим уг хувилгах дагавар уг бутээсэн нь, «УБДС-ийн ЗАЭШБ», II, 1964.

³⁴ См.: Ш. Барайшир, Орчин цагийн монгол хэлний дагавар угийн тухай, Улаанбаатар, 1958; З. Төмөрцэрэн, Монгол хэлний зарим төлөөний угийн тухай, Улаанбаатар, 1962; Ш. Барайшир, Монгол хэлний дайвар угийн утга зүйн асуудалд, «БНМАУ-ын ШУАМ», Улаанбаатар, 1964; Э. Вандуй, Монгол хэлний хоршоо угийн учир, «Шинжлэх ухаан», 4, Улаанбаатар, 1964.

³⁵ «Орчин цагийн монгол хэл зүй», Улаанбаатар, 1966.

³⁶ Д. Чойжисүрэн, Монголын хуучин угийн сурах бичиг, Улаанбаатар, 1965.

³⁰ Ш. Лувсанвандан, Монгол хэлний халх аялгууны балархай эгшгийн тухай асуудалд, «Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын шинжлэх ухааны академийн мэдээ», 2, Улаанбаатар, 1964 (далее сокращенно — БНМАУ-ын ШУАМ); ег о ж е, Орчин цагийн монгол хэлний урт эгшгийн гарьлх тухай, «Хэл зохиол», Улаанбаатар, 1967; S. Z u v s a n v a n d a n, The Khalkha-Mongolian phonemic system, «Acta orient. Hung.», XVII, 2, 1965; Ш. Лувсанвандан, Эртний монгол хэлний фонемийн систем, «Studia Mongolica», V, 2, Улаанбаатар, 1965.

³¹ Ш. Лувсанвандан, Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бутэц, I, Улаанбаатар, 1967.

В трудах монгольских ученых разрабатываются и вопросы синтаксиса. Грамматическим признакам и принципам выделения обстоятельства и дополнения в монгольском предложении посвящена монография Л. Мишига³⁷, занимавшегося изучением и структурных типов словосочетаний³⁸. Признаки и особенности подлежащего и определителя рассмотрены в брошюрах Э. Вандуй³⁹. Впервые затронут совершенно не исследованный вопрос о смысловом и акцентном членении монгольского предложения в работе Ж. Чойжилсурена⁴⁰.

Почти все монгольские языковедные работы написаны в плане «традиционной» грамматики; новые лингвистические методы еще не нашли широкого применения у монгольских языковедов.

Особенно активизировалась диалектологическая работа в МНР. В последние 10—15 лет идет интенсивное обследование монгольских и немонгольских диалектов и говоров, распространенных на территории республики. Почти ежегодно организуются комплексные этнолингвистические экспедиции в разные районы страны. Уже опубликованы материалы о фонетических, морфологических и лексических особенностях диалектов дербетов, дзахагин и торгоутов, дзаиханских сартулов, хубсугульских дархатов, хотогойтов, узумчин, а также некоторых наречий халхаского диалекта⁴¹. На основании собранных материалов, предоставляющих широкие возможности

для сравнительной и сравнительно-исторической монголистики, в настоящее время ведется работа по составлению диалектологического атласа МНР.

В обзоре вскользь упоминается исследование бурятских диалектов советскими учеными. Между тем, изучение монголоязычных народов на территории СССР — бурят и калмыков — настолько продвинулось вперед, что сейчас можно говорить о бурятоведении и калмыковедении как о ветвях советского монголоведения.

Наряду с диалектологической работой широко развернута лексикологическая и лексикографическая работа. Изучается словарный фонд монгольского языка, составляются различные, в том числе отраслевые словари. Кроме упомянутых в обзоре монголо-русского словаря А. Лувсандэндэва (1957 г.) и толкового словаря Я. Цевела (1966 г.), издан первый том вновь составленного русско-монгольского словаря Ц. Дамдинсурена и А. Лувсандэндэва⁴². Вышло в свет довольно много терминологических словарей. Государственная терминологическая комиссия уже много лет периодически издает свои выпуски по различным отраслям знаний, в том числе и по языковедению. В 1964 г. был издан русско-монгольский и монгольско-русский словарь лингвистических терминов⁴³, а в 1965 г. русско-монгольский терминологический словарь Э. Вандуй⁴⁴. Из отраслевых словарей можно назвать словари литературоведческих терминов, словари музыкальных, торговых, математических, сельскохозяйственных, медицинских, ветеринарных и др. терминов, а также терминов библиотечного дела.

Из иностранных языков в МНР по традиции продолжают изучаться тибетский и маньчжурский языки, хотя ни один из них не стал еще объектом специального лингвистического исследования. Издаются грамматики этих языков⁴⁵, переиздаются старые словари. В 1949 г. был переиздан монголо-тибетский, в 1959 г. — тибетско-монгольский словарь, оба под редакцией Б. Ринчена. Другие зарубежные языки почти не исследуются, хотя в морфологических работах для сравнения часто привлекаются данные тюркских, корейского, японского языков.

³⁷ Л. Мишиг, Монгол хэлний тусгагдахуун ба байц, Улаанбаатар, 1957.

³⁸ Л. Мишиг, Монгол хэлний холбоо угийн зүйл, Улаанбаатар, 1957.

³⁹ Э. Вандуй, Өгүүлэгдэхууний тухай, Улаанбаатар, 1958; егo же, Өгүүлбэрийн дэд гишуун — тодотголын тухай, Улаанбаатар, 1958.

⁴⁰ Ж. Чойжилсурэн, Монгол хэлний огуулбэрийн утга дуудлагын хувьд хэрхэн ангилахуй, «ИСБОЭШБ», Улаанбаатар, 1963.

⁴¹ Э. Вандуй, Дөрвөд аман аялгуу, Улаанбаатар, 1965; Ж. Цолоо, Захчин, торгоуд аялгууны онцлогоос, «Хэл зохиол», II, 14, 1964; Э. Вандуй, Забханы сартуул ба тууний аман аялгуу, там же, II, 7, 1964; С. Бадамхатаг, Хөвсгөлийн дархад ястан, Улаанбаатар, 1965; Ш. Шинэхуу, Хотгойдын аман аялгууны авиа зүйн зарим онцлог, «ИСОБЭШБ», 3, 1963; Ж. Цолоо, Хотгойдын аман аялгууны онцлог, «БНМАУ-ын ШУАМ», 4, 1964; Ж. Төмөрцэрэн, Үзэмчин, аялгууны зарим онцлогоос, «Studia Mongolica», IV, 13, 1965; Ш. Барайшир, Зарим путгийн халхын аялгууны авиазүйн тухай, Улаанбаатар, 1956; Ш. Шинэхуу, Халхын аялгууны өмнөд хэсгийн авиа зүйн зарим онцлог, «ИСОБЭШБ», 3, 1963.

⁴² Ц. Дамдинсурэн, А. Лувсандэндэв, Орос-монгол толь, I, Улаанбаатар, 1967.

⁴³ «Нэр томъёоны цуврал бичиг. Хэлний шинжлэл», боловсруулсан Ч. Лувсанжав, II, 2, Улаанбаатар, 1964.

⁴⁴ Э. Вандуй, Орос-монгол нэр томъёоны толь, Улаанбаатар, 1965.

⁴⁵ Ц. Дорж, Төвд хэл бичигт суралцах дэвтэр, Улаанбаатар, 1961; Д. Дэндэв, Манж хэлний сурах бичиг, «Хэл зохиол», I, 13, 1961.

Достижения монгольского языкознания, как это верно отмечено автором обзора, являются успешным и обнадеживающим началом и залогом его дальнейшего развития.

Обзор «Тибет» (стр. 766—774), написанный Т. Уайли, представляет собой один из наиболее удачных в рецензируемом томе. Он дает краткое описание изучения тибетского языка в самом Тибете, изучения его в КНР, изучения его на Западе.

Труды по тибетскому языку не настолько многочисленны, чтобы можно было бы их обзор ограничивать узкими хронологическими рамками, поэтому Т. Уайли с полным основанием начинает с упоминания о первой грамматике тибетского языка, написанной создателем тибетской письменности, и далее указывает ряд трудов тибетских филологов более позднего времени. В обзоре упоминаются все основные труды по тибетскому языку, появившиеся на протяжении уже довольно длительной истории изучения тибетского языка за пределами Тибета. Автор показывает себя хорошим знатоком современной литературы по тибетскому языку: в обзоре содержатся упоминания не только научных публикаций, но также и труднодоступных учебных изданий вроде учебников английского языка для тибетцев, попавших в Индию.

Несколько библиографический уклон обзора вызван вовсе не нежеланием автора входить в содержательное обсуждение проблем тибетского языка. В тибетском языкознании столько нерешенных вопросов, что краткое изложение идей и результатов исследований просто невозможно. Поэтому, как и следовало ожидать, наиболее содержательно в обзоре освещена проблема тонов, которая изучена более других. Однако, как кажется, обзор этой проблемы только вытравил бы, если бы он был пачат с исследований Чжао Юань-жэня, предпринятых еще в 30-х годах XX в.⁴⁶

Совершенно справедливо указывая на внешние причины, способствовавшие развитию исследований по тибетскому языку, Т. Уайли не говорит о наличии также и внутренних причин, обусловивших интерес лингвистов к этому предмету. Как известно, на рубеже XIX и XX вв. были заложены основы сравнительно-исторического изучения языков китайско-тибетской семьи. Тибетский же язык имеет письменность с VII в. и до сих пор сохраняет архаичную орфографию, которая позволяет с помощью инопозычных транскрипций тибетского языка и тибетских транскрипций иностранных языков реконструировать фонологическую систему тибетского языка, относящуюся к времени

создания письменности. Поскольку ни один из языков китайско-тибетской семьи не имеет столь старой фонетической письменности, очевидно, что тибетский имеет большое значение для их сравнительного изучения. Поэтому в значительном числе трудов по тибетскому языку преследуются цели сравнительно-исторические.

Изучение живого тибетского языка продвигается довольно медленно прежде всего потому, что Тибет всегда был весьма труднодоступным местом, куда лингвисты обычно не попадали. Поэтому лингвистические исследования по тибетскому языку чаще всего основываются либо на материалах, собранных представителями других профессий, либо на материалах довольно случайных информантов. Тибетский язык разделен на несколько довольно далеко отстоящих друг от друга диалектов, среди которых диалект Лхасы пользуется наибольшим престижем. Однако само по себе понятие «лхасский диалект» до сих пор не определено с достаточной четкостью — известно несколько описаний этого диалекта, которые различаются в весьма существенных деталях. Это досадное расхождение в описаниях одного и того же диалекта, вероятно, является следствием того, что лингвистические материалы берутся от небольшого числа информантов, представляющих либо различные варианты лхасского диалекта, либо некоторые другие диалекты, близкие к лхасскому.

Технический уровень фонетических исследований тибетского языка возрастает — об этом свидетельствует экспериментальная работа Э. Рихтера по фонетике лхасского диалекта⁴⁷. Недостаток ее в том, что она основана на магнитофонном воспроизведении небольшого курса тибетского языка, записанном от одного диктора. Для того чтобы получить представление о лхасском диалекте в целом, следует привлечь значительно более широкий материал.

Т. Уайли справедливо отмечает оживление исследований в области тибетского языка в КНР после 1951 г. Нелишне было бы указать, что оно было подготовлено трудами китайской школы тибетологии, которая связана с такими именами как Ли Фан-гуй, Чжао Юань-жэнь, Ло Чан-цзай, Ван Цзин-жу, Вэнь Ю и др.

Экспедиции лингвистических учреждений АН КНР, Центральной Академии Национальных меньшинств в Пекине и провинциальных академий национальных меньшинств в Чэнду и Ланьчжоу постоянно работали в Тибете на протяжении многих лет. В основе полевых лингвистических изысканий по тибетскому языку лежала тщательно разработанная программа-анкета, содержащая вопросы по всем

⁴⁶ Yu Dawchuan, *Jaw Yua-n-grenn, Love songs of the sixth Dalai-Lama*, Peiping, 1930, стр. 1—13, 25—29.

⁴⁷ E. Richter, *Grundlagen der Phonetik des Lhasa Dialektes*, Berlin, 1964.

разделам грамматики тибетского языка. Не входя в обсуждение самой анкеты, следует лишь сказать, что уровень самих вопросов свидетельствует о значительном прогрессе китайской школы тибетологии. К сожалению, китайских публикаций по тибетскому языку очень мало. Среди них видное место занимает большое исследование Цзинь Пэна по сравнительному изучению диалектов Лхасы, Шигадзе, Чамдо, основанное на материалах, собранных им лично во время пребывания в Лхасе⁴⁸. Остальные публикации представляют собой небольшие статьи, написанные на материалах экспедиций, по основной массе материалов полевых исследований так и не вовлечена в научный оборот.

Во второй части рецензируемого тома «Языкознание в Юго-Восточной Азии» (стр. 775—919) также изложение ведется по географическому принципу — в сущности по странам, которые в двух случаях объединяются по соображениям лингвистического порядка. Эта часть тома состоит из пяти глав, написанных лингвистами — как правило, крупными специалистами по важнейшим языкам обозреваемых ими стран. Главы следующие: «Бирма» (автор У. С. Корниц, США), «Тайланд и Лаос» (У. Дж. Гедней, США), «Вьетнам» (Л. С. Томпсон и Д. Д. Томас, США), «Индонезия и Малайзия» (Э. М. Уленбек, Голландия), «Языкознание в Камбодже и камбоджийский язык» (Дж. М. Джекоб, Англия). Вне поля зрения оставлены Филиппины.

Главы не равновелики (например, «Бирма» занимает 5 стр., «Индонезия и Малайзия» — 52 стр.) и очень разнородны в отношении плана построения, затрагиваемой тематики, стиля изложения, различаются размерами прилагаемых библиографий. Тем не менее, каждая из глав дает, во-первых, конкретный обзор развития языкознания (обычно вместе с проблемами государственного языка, языка школы) в рассматриваемой стране (или, соответственно, в двух странах) за период после второй мировой войны; во-вторых, в этих главах обозреваются работы по языкам страны, проведенные или проводимые за рубежом (в Европе, Америке и т. д.). Авторы пытаются, таким образом, совместить два принципа обзора языковедческой работы: по местам ее выполнения (или опубликования) и по ее предметам — языкам, языковым группам; в результате в главах второй части тома освещается исследование языков данной страны внутри нее и за ее пределами.

Неосомненно, без внимания к протекающему научному процессу в отдельных стра-

нах невозможно составить представление о современном состоянии науки и о тенденциях ее развития. Кроме того, для углубленного исследования любого языка необходимо знакомство с лингвистическими работами, проведенными в связи с ним и с близкими ему языками в стране их распространения; в частности, интересно то, как описывают язык сами его носители.

Соединение регионального принципа обзора языковедческой работы с предметным принципом в области Юго-Восточной Азии облегчается тем, что в этих странах — в отличие, например, от Японии — до сих пор не опубликовано почти ничего научно ценного по иностранным языкам, а также по общему языкознанию.

Тем не менее, при избранной системе подачи материала рассыпается литература, относящаяся к языковым семьям и группам близких языков. Например, тайские и мон-кхмерские языки распространены почти во всех странах материковой Юго-Восточной Азии (а сверх того в Китае). Политическими границами разрывается и ареал тибето-бирманских языков. В рецензируемом томе не остается также места для обзора компаративной работы по указанным генеалогическим объединениям языков, не говоря уже о проблемах сверхдальних связей между ними. (Ряд важных трудов по этой проблематике все же перечисляется, но обычно эти перечни остаются вне логической структуры изложения. В несколько особом положении находится глава «Индонезия и Малайзия»: в ней освещается изучение языков только одной — австронезийской — семьи, которая почти не представлена на других территориях). По нашему мнению, целесообразней было бы построить изложение по группам родственных языков (иногда, может быть, и проблематичным), уделяя при этом внимание исследованию языков в странах их распространения.

Неодинаков характер обзора научной литературы в отдельных главах. В большой и в общем схематической главе «Бирма», а также в более обстоятельных главах «Вьетнам» и «Индонезия и Малайзия» обзор преимущественно «тематический»: сообщается, какая имеется литература (реже — какие ведутся работы) по тем и иным темам и проблемам, причем проблемы только называются и почти не расшифровываются; о взглядах, защищаемых тем и иным автором, почти не говорится. В главе, посвященной Таиланду и Лаосу, и в особенности — в главе о Камбодже изложение большей частью ведется по проблемам: раскрывается существо излагаемой проблемы и прослеживается развитие научной дискуссии по ней (подобные сведения, хотя и очень лаконичные, даются в части случаев также в главе «Индонезия и Малайзия»).

⁴⁸ Цзинь Пэн, Цзан юй Ласа, Жикэцэ, Чанду хуади бицзю яньцзю, Пекин, 1958.

Отбор литературы находится в зависимости от конкретной темы и от плана статьи, в отношении разработки которых авторы были, очевидно, практически самостоятельны (редакция ограничивалась лишь самыми общими указаниями, см. стр. VII).

Поэтому в смысле полноты охвата научной литературы главы второй части тома довольно разнородны.

В отношении полноты учета всех действительно важных научных работ по языкам данной страны, вышедших после второй мировой войны, можно сделать несколько замечаний по поводу главы Э. М. Уленбека «Индонезия и Малайзия», которая уже благодаря количеству затрагиваемых в ней языков достаточно содержательна и (по отношению к состоянию изучения этих языков на 1963—1964 гг.) в основном надежна. В этой главе, однако, не затрагиваются вопросы грамматического строя индонезийских языков в сравнительном аспекте. Ни в тексте, ни в библиографии не упоминаются монография И. Вильса «Пассивный глагол в индонезийских языках»⁴⁹ и более ранние работы по так называемым спрягаемым формам глагола (И. Йонкер, С. Эссер, Р. Хааксма). Обсуждая вопрос о применимости к индонезийским языкам традиционного сравнительно-исторического метода, Э. М. Уленбек не упоминает о статье В. Айхеле⁵⁰, представляющей интерес с точки зрения методики реконструкции более древних стадий развития индонезийских языков. Он не касается трудов Г. Кало (ГДР) — представителя своеобразного, пусть в целом и переспективного направления в австронезийской компаративистике.

Степень охвата литературы, изданной в стране ее уроженцами, в разных главах тоже неодинакова. Особенно небогата в этом отношении глава «Бирма» (вместе с библиографией). Библиография главы «Вьетнам» выглядит иначе: здесь много работ вьетнамцев, однако, во-первых, перечисляются, главным образом, работы, которые вышли на европейских языках; во-вторых, мало отмечается изданий ДРВ, причем все они, за исключением одного, относятся еще к 50-м годам. Много работ, вышедших в обозреваемых странах (в основном, в одной из них — в Индонезии) на местных языках, можно найти в библиографии главы «Индонезия и Малайзия». Однако даже в отношении Индонезии нельзя сказать, что существующая литература охвачена полностью (например, зарегистрированы не все статьи Ф. С. Ватусеке и Х. Г. Таригана по об-

ластным языкам Индонезии, вышедшие к 1963 г.).

Нет сомнения, что на информативной ценности глав сказались и задержка, происшедшая с изданием тома. Рукописи авторов были готовы, согласно замечаю Ш. Шебеока (стр. V), в 1965 г., а как следует из слов некоторых авторов (стр. 783, 815, 866, 919), даже и на год раньше. Тем не менее, по-видимому, нигде не сделано необходимых корректив в тексте главы с целью отразить развитие науки за последние годы. Имеются дополнения в библиографиях. В частности, в библиографии главы «Вьетнам» (а также в списках главы) отмечен ряд работ, вышедших в 1964—1966 гг. Но характерно, что среди них нет ни одной работы, изданной в Советском Союзе. Советские публикации прослеживаются в этой главе только до 1962 г.; не учтена и монография Ю. К. Лекомцева «Структура вьетнамского простого предложения» (М., 1964). Итак, авторам главы «Вьетнам» свойствен тот же недостаток, в каком они обвиняют советских лингвистов (стр. 831) — это запоздалый учет зарубежных научных изданий. Почти таково же положение в главе «Таиланд и Лаос».

В библиографиях трех остальных глав дополнений за счет новых изданий очень мало. В них не учитываются даже вышедшие в 1965 г. 14 и 15-й тома журнала «Lingua», специально посвященные языкам Юго-Восточной Азии и Океании⁵¹.

В библиографиях встречается неполное оформление библиографических справок (в частности, в главе «Бирма»); попадаются опечатки и даже серьезные ошибки. Так, например, в разных главах (стр. 780, 846, 888) смешиваются журналы «Acta orientalia» (Копенгаген) и «Archiv orientální» (Прага).

В целом вторая часть тома представляет картину современного состояния исследований языков Юго-Восточной Азии (конечно, «современное состояние» следует понимать несколько расширительно: в некоторых главах, в частности «Индонезия и Малайзия», отставание обзора от того уровня, которого исследования достигли к настоящему моменту, весьма ощущается). Все же создаваемая второй частью тома картина не целостна, не повсюду достаточно полна и ясна, не выдержана по характеру изложения и по стилю.

Кроме второй части тома, языкам Юго-Восточной Азии посвящена небольшая статья в главе «Япония» (I часть тома). Японский вьетнамист Т. Минэя представляет здесь обзор исследований сво-

⁴⁹ J. Wils, Het passieve werkwoord in de Indonesische talen, 's-Gravenhage, 1952.

⁵⁰ W. Aichele, Beiträge zur indonesischen Sprachgeschichte, «Oriens Extremus», 3, 1956.

⁵¹ Между прочим, второй сборник санданских текстов Х. ван дер Везна, о котором Э. М. Уленбек пишет «to appear» (стр. 897), еще в 1966 г. вышел (H. van der Veen, The Sa'dan Toradja chant for deceased, 's-Gravenhage, 1966).

их соотечественников по языкам этого региона, начиная с довоенных лет и кончая 1964 г. (некоторые из японских изданий отмечаются и во второй части тома, главным образом в библиографиях). Японские лингвисты внесли немалый вклад в изучение австронезийских языков. В частности, аборигенные языки Тайваня известны науке в основном благодаря трудам Н. Огавы и Э. Асаи. Х. Идзуи работал над языком Микронезии и занимался также проблемами сравнительно-исторического исследования австронезийской семьи. Крупнейшим специалистом по тибето-бирманским языкам является Т. Ниседа, который также работает над реконструкцией тангутского языка. К сожалению, многие из работ по языкам Юго-Восточной Азии, опубликованных на японском языке, мало известны за пределами Японии. Краткий обзор Т. Минэи полезен тем, что он

способствует включению этих работ во всемирный научный процесс.

*

В заключение следует особо подчеркнуть заслугу издательства, взявшегося за такое сложное предприятие, как выпуск многотомника «Современные течения в языкознании». Следует надеяться, что работа над этим исключительно полезным изданием не будет прекращена: такие книги, в которых подводятся результаты развития языкознания за определенный период, должны издаваться регулярно. При составлении планов на будущее следует иметь в виду, что в рецензируемом томе не упомянуто о трудах по тангутскому, киданьскому и центральноазиатскому языкознанию, достижения которых достойны того, чтобы информировать о них читателей издания «Современные течения в языкознании».

D. G. Haus, Introduction to computational linguistics. — New York, American Elsevier, 1967, XVI+231 стр.; «Readings in automatic language processing», ed. by D. G. Hays, New York, American Elsevier, 1966. V+202 стр.

В последние годы бурно развивается новая отрасль прикладного языкознания — решение лингвистических задач с помощью вычислительных машин. Эта область исследований настолько нова, что в русском языке еще не утвердилось ее терминологическое определение. По аналогии с английским термином «computational linguistics» ее следовало бы назвать вычислительной лингвистикой¹.

Вычислительная лингвистика призвана решать широкий класс задач, связанных с лингвистическими исследованиями и автоматической обработкой текста. Упомянем некоторые из них: составление разнообразных словарей и конкордансов, статистический анализ текстов, исследование вероятностного изменения языковой модели во времени, оценка степени родства языков, дешифровка текстов, кодировка текста в терминах заданных признаков, перевод текстов с одного естественного языка на другой, перевод текстов с естественного языка на информационный, реферирование и индексирование текстов².

Работы по вычислительной лингви-

стике имеют широкий выход не только в языкознание, но и в психологию, социологию, педагогику и документалистику. Психология и социология в большей степени основаны на анализе того, что люди говорят и пишут. Социологи проводят беседы, групповые дискуссии, изучают письма, дневники, газеты и т. д. — их интересует в основном содержание сообщений и отсюда — мотивы поведения людей. Документалистика может дать материал для решения этих вопросов. Документалистика основана на анализе формы и содержания сообщений и потому тесно связана с вычислительной лингвистикой. Наконец, можно указать на взаимосвязь педагогики и вычислительной лингвистики — в деле создания учебных пособий, в разработке систем программированного обучения и т. п.

Именно такой широкий подход к вычислительной лингвистике как дисциплине, имеющей первостепенное значение для всего комплекса гуманитарных наук, характерен для Д. Хейса, подготовившего обе рецензируемые книги. Д. Хейс — видный американский антрополог (в том значении этого термина, который принят в США), посвятивший последние десять лет углубленным исследованиям по вычислительной лингвистике. Его книги заполняют давно опущавшийся пробел — отсутствие пособий по вычислительной лингвистике.

Первая из рецензируемых книг — «Введение в вычислительную лингвистику» — прекрасный вадемукум по проблемам

¹ Предлагались и другие названия — «автоматизация в лингвистике», «автоматическая лингвистика», «автоматизация лингвистических работ» (см. в частности: И. А. Мельчук, Международная конференция по автоматизации в лингвистике, НТИ, 1967, 7).

² Подробнее см.: В. А. Москович, Автоматизация некоторых аспектов лингвистической работы, ВЯ, 1966, 1.

вычислительной лингвистики и основным методом их решения. Композиция книги соответствует ее назначению. Вначале дается доступное неподготовленному читателю описание устройств вычислительных машин и основ программирования, затем — рассматривается решение на ЭВМ ряда простых задач и в конце — решение сложных задач.

Программистская часть книги знакомит с техникой использования языков программирования и способами построения программ сортировки данных, поиска данных в словаре, накопления данных, внесения исправлений и дополнений в информационные массивы. Много места уделено описанию алгоритмов и программ грамматического анализа текстов на основе грамматики зависимостей и трансформационной модели. Каждая из задач иллюстрируется примером конкретного алгоритма.

Общелингвистический интерес представляет та часть книги, где рассматриваются процедуры грамматического анализа в свете современных синтаксических теорий. Для того чтобы дать детальную характеристику синтаксических структур, наблюдаемых в речи, или извлечь из текстов их смысл, лингвисту необходим более мощный аппарат, чем контекстуально-свободные грамматики фразовых структур. Автор рассматривает три проекта такого более мощного аппарата: трансформационную грамматику Н. Хомского, грамматику фразовых структур Ю. Пендерграфта и многоуровневую грамматику С. Лэма. В грамматике Н. Хомского сравнительно простая грамматика фразовых структур порождает глубинные структуры со связанными терминальными цепочками. Трансформации, оперируя ими, производят поверхностные структуры со связанными цепочками, которые могут быть преобразованы в написанные предложения или устные фразы. Задача аппарата трансформационной грамматики — определить глубинную структуру любого анализируемого предложения.

Ю. Пендерграфт предложил строить помимо дерева составляющих второе дерево, характеризующее отношения между частями дерева зависимости. Отношения второго порядка, согласно Ю. Пендерграфту, отражают семантические структуры. Каждый уровень имеет свою грамматику. Предложение может иметь правильную синтаксическую структуру относительно первой грамматики, но быть неправильным с точки зрения второй — тогда оно будет грамматически правильным, но бессмысленным³.

Уровневая грамматика С. Лэма строит несколько параллельных схем любого текста. Каждая схема относится к отдельному уровню анализа⁴.

Автор рецензируемой книги праведливо указывает на перспективность теории уровневой грамматики: факты естественных языков описываются проще, если они рассортированы по уровням; каждый вид явлений рассматривается на одном уровне, где механизмы, управляющие другими видами явлений, не входят в поле внимания; вероятно, обработка языковой информации в мгу человека происходит приблизительно таким же образом.

Д. Хейс посвящает отдельную главу книги описанию аппарата уровневой грамматики, анализирующей текст в плане четырех уровней: фонемного, морфемного, лексемного, семемного. Особое внимание он уделяет механизмам перехода от лексемного уровня к семемному. К сожалению, изложение этого круга проблем, столь актуальных для современного языкознания, произведено крайне упрощенно и поверхностно. Впрочем этот упрек можно отнести и в адрес тех американских авторов, на чьи работы опирался Д. Хейс.

Наиболее ценными для лингвиста являются те главы книги, в которых рассматривается методика использования ЭВМ в целях лингвистического исследования. Со времени появления известной статьи П. Гарвина принято различать три степени участия вычислительной машины в лингвистическом исследовании — низшую (без использования какой-либо лингвистической теории), среднюю (с частичным использованием теории) и высшую (полностью основанную на лингвистической теории). Низшая степень использования ЭВМ — это собиране данных с ее помощью (составление конкордансов к текстам, словарей). Средняя степень — это проверка с помощью ЭВМ информации, полученной заранее (например, испытание алгоритмов автоматического перевода и переводных соответствий при автоматическом переводе новых текстов).

Высшая степень достигается тогда, когда машина полностью руководствуется теорией, выработанной лингвистом (например, устройством, которое можно опустить на парашюте в джунгли для описания неизвестного языка)⁵.

Д. Хейс рассматривает случаи, относящиеся ко всем степеням участия ЭВМ в работе лингвиста. Оправдана та подлинность, с которой он описывает различные виды конкордансов к тексту — по-

³ «Symposium on the current status of research», ed. by W. P. Lehmann, E. D. Pendergraft, LRC-63-SR1, Linguistics research center, The University of Texas, стр. 15—60.

⁴ S. M. L a m b, Outline of stratificational grammar, Berkeley, 1962.

⁵ P. L. G a r v i n, Computer participation in linguistic research, «Language», XXXVIII, 4, 1962.

его словам, «конкорданс — это необходимое орудие исследования для новичка в лингвистике, а каждый лингвист — новичок, когда он начинает работать над новым языком» (стр. 170)⁶. Лингвист стремится во что бы то ни стало получить полный конкорданс к анализируемому тексту в печатной форме. Между тем он не задумывается о технических аспектах работы по изготовлению конкорданса — объем конкорданса в десятки раз превышает объем оригинального текста, поэтому его изготовление крайне рентабельно. Конкорданс к «Божественной комедии» Данте занимает 1000 страниц по 100 строк в каждой странице; конкорданс к миллиону слов исходного текста занимает десять таких томов, а конкорданс к собранию сочинений Фомы Аквинского (1 700 000 строк исходного текста) займет 100 таких томов! Поэтому целесообразно хранить конкорданс в памяти ЭВМ и выдавать на печать отдельные статьи конкорданса по требованию лингвиста. Разумеется, такой план может быть реализован лишь при наличии мощной машинной базы.

Д. Хейс подробно описывает различные процедуры автоматического анализа текста — процедуру идентификации морфных границ по Э. Харрису⁷, установления правил морфотактики, позиционной классификации элементов предложения по П. Гарвину⁸, идентификации синтаксических конструкций и т. п. Особый интерес представляет изложение работ по грамматическому анализу с автоматическим исправлением ошибок (иначе — автоматической классификации элементов текста). Автоматическая классификация предполагает разделение объектов, наблюдаемых в тексте, по классам в соответствии с их дистрибутивными свойствами. Работы в этом направлении интенсивно развиваются как в США, так и в нашей стране⁹. В перспективе развертывание этого круга исследований может

привести к созданию самообучающихся систем автоматического анализа текста.

В конце книги дается популярное описание проблематики автоматического перевода, индексирования и реферирования.

На фоне многочисленных работ по автоматическому переводу, полных саморекламы, туманных обещаний и явной спекуляции на ненормированности рядового читателя в вопросах автоматического перевода книга Д. Хейса выделяется как объективное реалистическое описание подлинных проблем и перспектив этой области прикладной лингвистики.

Д. Хейс откровенно говорит о том, что машина пока переводит очень плохо, а будет ли она переводить намного лучше в будущем — это вопрос открытый. Он различает пять уровней автоматического перевода: 1) транслитерацию; 2) пословный перевод; 3) синтаксический перевод; 4) пофразный перевод; 5) семантический перевод. В настоящее время мы достигли третьего уровня перевода, дальнейшее движение требует введения в память машины семантической и энциклопедической информации, что в практическом плане вряд ли рентабельно.

Глава по документалистике не вполне удалась Д. Хейсу. Он много пишет о типах изданий и системах публикации, но очень бегло говорит о проблематике автоматического индексирования и реферирования. Между тем именно это направление наиболее интенсивно развивается в последнее время, и, вероятно, в ближайшем будущем основная масса специалистов по вычислительной лингвистике будет работать в этой области.

В целом книга «Введение в вычислительную лингвистику» заслуживает высокой оценки. Это очень квалифицированное руководство по вычислительной лингвистике, которое можно использовать как для обучения студентов, так и для ознакомления с вычислительной лингвистикой. К ряду глав приложены списки вопросов для самоконтроля, каждая глава сопровождается аннотированной библиографией. Книга завершается указателями — именовым и предметным.

Прекрасным дополнением к книге Д. Хейса является составленный им сборник «Хрестоматия по вычислительной лингвистике». В сборник включены следующие 12 статей: 1) «Специальные языки для описания машинных языков и их обработки — чертова дюжина» (С. Горн); 2) «Естественные языки — их ввод в вычислительные машины» (М. Кэй и Т. Зи); 3) «Быстродействующая словарная система большой емкости» (С. Лам и У. Джейкобсен); 4) «Синтаксический анализ» (Д. Хейс); 5) «Алгоритм предсказуемого анализа и метод сокращения числа вариантов анализа» (С. Куно); 6) «Синтаксическая связность, синтаксические функции и русский синтаксис» (Д. Хейс); 7) «Грамматика спецификато-

⁶ О различных видах конкордансов см.: S. M. Lamb, L. G. Gould, Concordances from computers, «Mechanolinquistics project», Berkeley, 1964.

⁷ Z. S. Harris, From phoneme to morpheme, «Language», XXXI, 1955.

⁸ P. L. Garvin, Automatic linguistic analysis—a heuristic problem, «1961 international conference on machine translation of languages and applied language analysis», London, 1962.

⁹ Из советских работ см.: А. Я. Шайкевич, Распределение слов в тексте и выделение сематических полей, сб. «Иностранные языки в высшей школе», М., 1963; Н. Д. Андреев, Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении, Л., 1967, Изложение ряда американских работ см. в упомянутой выше статье И. А. Мельчука.

ров» (Д. Диннин); 8) «Методология исследований в целях машинного перевода» (Х. Эдмундсон и Д. Хейс); 9) «Механизация синтаксического анализа» (С. Лэм); 10) «Указатель ключевых слов в контексте для технической литературы» (Г. Лун); 11) «Автоматическое сопоставление фраз» (Дж. Сэлтон); 12) «Основы синтаксического перевода» (В. Ингве).

Статьи сборника отражают развитие вычислительной лингвистики за последнее десятилетие — начиная от ранних работ по автоматическому переводу (статья В. Ингве, Х. Эдмундсона и Д. Хейса) и кончая современными проектами сложных информационных систем (статья Дж. Сэлтона). Четыре статьи посвящены проблемам синтаксического анализа (статья Д. Хейса, С. Куно и С. Лэма). Это объясняется тем центральным местом, которое занимали вопросы синтаксического анализа в работах по автоматическому переводу.

Недостатком сборника является полное отсутствие в нем работ по семантике. Между тем как раз в области семантики сосредоточены в настоящее время усилия специалистов по вычислительной лингвистике.

Хрестоматия Д. Хейса дает хорошее представление о работах по вычислительной лингвистике по состоянию на 1965 г. Отправляясь от указателей литературы, приложенных к каждой статье хрестоматии, читатель сможет углубиться в изучение того или иного вопроса.

Помимо хрестоматии Д. Хейса в последние годы издано еще несколько сборников статей по вычислительной лингвистике (в основном, труды конференций),

но подбор работ в них случаен — он всецело определяется списком докладов на конференциях¹⁰.

В ближайшем будущем должно появиться множество пособий и книг по вычислительной лингвистике, что вызвано увеличивающейся с каждым годом важностью исследований в этом направлении и скудостью учебной литературы по этим вопросам. Книги Д. Хейса — первые в этом ряду книг — еще долго будут служить основными пособиями по этой дисциплине. Поскольку русский читатель не имеет таких пособий, а необходимость в них ощущается весьма остро, желательно в кратчайшие сроки организовать издание перевода книг Д. Хейса на русский язык.

Всем тем языковедам, которые хотят получить адекватное представление о сущности вычислительной лингвистики, следовало бы ознакомиться с книгами Д. Хейса. Они убедят в том, что вычислительная лингвистика — это не нечто скрытое за семью печатями, за непонятной символикой и бесчисленными новыми терминами. Подлинная вычислительная лингвистика — это четкая и ясная программа исследований, ведущая к реальным и лингвистически значимым результатам.

В. А. Москович

¹⁰ См., например, сб. «Computation in linguistics. A case book», ed. by P. L. Garvin, B. Spolsky, Bloomington — London, 1966, «Les machines dans la linguistique», éd. par I. Stindlova, Prague, 1968.